Егор Фетисов

ПУСТОТА ВОЛОПАСА

25 лет издательскому дому
ГОРОДЕЦ

Егор Сергеевич Фетисов
Пустота Волопаса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65166136
Пустота Волопаса:
ISBN 978-5-907220-95-9

Аннотация

Роман о поисках себя и о любви.

Два главных персонажа принадлежат к поколению, формирование которого пришлось на 90-е годы, им было не до внутреннего анализа и не до поиска призвания, и они выбрали филологию просто в качестве наиболее приемлемого занятия. Потом один из них продолжает плыть по течению, работая переводчиком художественной литературы, а второй резко меняет свою жизнь: уезжает в Норвегию, устраивается на китобойное судно и охотится на полосатиков, понимая в глубине души, что из одной крайности угодил в другую. Спустя годы выясняется, что дело, видимо, не в призвании и не в работе. Жизнь опять сталкивает их друг с другом, то ли распутывая старые узлы, то ли завязывая новые. Как бы то ни было, все решается не здесь и не сейчас, «здесь и сейчас» представляют собой пустоту, которую нужно пережить и понять, как ты к ней относишься: как к черной дыре или как к кокону, из которого рано или поздно высвободится твоя душа. Но если и высвободится – надолго ли, ведь век бабочки, символизирующей душу, недолог…

Содержание

1	5
2	18
3	24
4	28
5	31
6	36
7	42
8	45
9	50
10	52
12	56
13	63
14	65
15	75
16	84
17	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Егор Фетисов
Пустота Волопаса

Грузный колокол,
А на самом его краю
Дремлет бабочка.

Бусон

Мир снова томит меня своей пестрой пустотой.
В. Набоков «Круг».

© Е. Фетисов, 2021
© ИД «Городец», 2021

1

Гроза надвигалась на город с самого утра. Но по разным причинам задерживалась на неопределенное время. Откладывалась сначала на час, потом еще на несколько. То ли метеорологические службы были не в состоянии высчитать скорость перемещающегося ненастья, то ли компьютерные программы, наблюдавшие при помощи спутников за движением туч и облаков и оповещавшие о своих наблюдениях население, были пока что недостаточно совершенны, но факт оставался фактом – ливень опаздывал. И все равно в городе не было ни одного человека, который выразил бы сомнение в том, что хляби разверзнутся в самое ближайшее время. После трех недель выжигающей жары по-другому и быть не могло, в воздухе парило, одежда прилипала к телу, влажному от пота.

Хотя гроза еще не достигла пределов города, люди говорили о ней как о свершившемся факте, обсуждали ее в метро и троллейбусах, в очереди на кассе и за столиками в кафе. «Мой айфон показывает вероятность дождя 90 процентов начиная с 18:00», – говорил парень девушке, рука которой казалась фарфоровым креплением для чашечки с кофе. Было без четверти шесть, и он напряженно всматривался то в бледное небо над крышами домов, то в циферблат своих часов, подобранных в цвет к костюму, не понимая, что про-

исходит и в чем причина очевидного сбоя и несоответствия.

Парень с айфоном и девушка с фарфоровыми руками были единственными, кто сидел на открытой террасе, остальные предпочитали занять столик внутри, в полумраке, прохладу которого обеспечивали кондиционеры, потому что на террасах, ютившихся на лишенных зелени тротуарах, воздух оставался тяжелым и влажным, не спасал даже ветерок, временами долетавший с залива. Старики со щелчком открывали баночки с валидолом, жаловались на сердце; по улицам, включив сирены и мигалки, пролетали машины «скорой помощи». Молодежь раздевалась, насколько позволяла стеснительность, и парни все как один надевали солнцезащитные очки, чтобы спрятать взгляды, скользящие по женским округлостям и впадинкам. На стеклах охлажденных бокалов блестели капельки воды, быстро прогревавшиеся как морская вода на мелководье, вдоль берега, там, где она покрывает щиколотки, но еще не доходит до колен, и где можно лежать на спине и смотреть в застирано-голубого, выцветшего цвета небо, если не боишься соленой пелены в глазах, когда мелкой волне все-таки удается захлестнуть лицо, ласково, как будто умывая с утра маленького ребенка.

– Скорее бы, – раздалось чье-то кряхтение. – Совсем мочи нет. Уже вторую неделю сушит.

– Да если бы вторую, третью, – поправил женский голос, в котором было что-то от цветной капусты, безвкусное и бесцветное, – прямо висит в воздухе. Огурцы все скукожились:

одна шкурка и горечь. Подумать только – у меня горькие огурцы! А я хотела закатать дочке несколько банок малосольных.

– Никуда не денется, – успокаивал ее кряхтящий голос, – в новостях говорили, должно прорвать. Что-то там идет, циклон какой-то или антициклон, кто их там разберет.

При слове «прорвать» Македонов живо представил себе рваные клочья влажного воздуха, тучи были только бахромой, а сами прорехи уходили высоко в космос, в звездные бездны.

Кафе осталось позади, голоса удалялись, смешиваясь с шумом улицы, с десятками тысяч разнообразных звуков, превратившихся в единый городской гул, как разные цвета, смешавшись, превращаются в белый. Когда-то давно ему рассказал об этом отец, когда они плыли на каком-то катере и стояли на корме, завороженные пенным следом, который катер оставлял после себя, вспарывая ножами винтов плоть моря. «Знаешь, почему след белый?» – спросил отец. Македонов покачал головой. Наверное, потому, что вода внутри белая, и когда ее выворачивают наизнанку, эта белизна становится заметна. И был потрясен рассказом о том, что вода была вовсе не белой, а разноцветной, в ее брызгах в солнечном свете смешивались синий, и фиолетовый, и зеленый, и желтый.

– И красный? – спросил Антон папу.

– И красный, и оранжевый. Все цвета спектра.

– А что такое спектр? – спросил Македонов.

– Спектр… Это… Это радуга, – объяснил папа.

– Тогда почему я не вижу ни красного, ни оранжевого? – удивился Антон.

– Вернемся домой, я тебе покажу, – пообещал папа.

Дома он смастерил из картона и зубочистки волчок, наклеил на него бумагу, которую раскрасил разными цветами, раскрутил волчок, и – Антон даже рот открыл от удивления, потому что волчок был почти белым. Пока крутился. Потом остановился и снова стал разноцветным.

– Мы не всегда видим то, что есть на самом деле, – сказал папа.

– Значит, звезды не белые, а небо между ними – не черное? – спросил Антон.

– Это уж как минимум, – сказал папа и о чем-то задумался, продолжая крутить волчок еще долго после того, как Антону это наскучило, и он убежал в свою комнату.

Теперь Македонов вспомнил про тот случай, внезапно подумав, что со звуками, наверное, тоже так. Они сливаются в какой-то один общий гул, в котором мы не слышим пения китов и писка летучих мышей, даже гудки кораблей, отходящих в порту от пристани, не долетают до нас, потому что волчок вертится безостановочно.

Потом наступил вечер, зажглись уличные фонари, хозяева и хозяйки поспешно прогуляли своих собак и увели их домой мыть лапы, не дав даже толком обнюхаться, некото-

рые магазины успели закрыться, но многие еще напоминали взведенный капкан с приманкой для неосторожного клиента, детские телеканалы переходили в режим убеждения детей укладываться спать, хотя белые ночи этому не способствовали, а гроза все медлила, приближаясь неспешно, как змея, наметившая свою добычу, но не полагавшаяся вполне на скорость броска, или, скорее, она, как прайд львов, оглашая ревом окрестности, загоняла случайные жертвы в необходимую ей зону, в которой по несчастливому стечению обстоятельств находился и Македонов. Или просто Мак, как звали его близкие друзья, иногда саркастически интересовавшиеся, почему родители не назвали его Сашей, раз уж все равно так вышло с фамилией. Мама рассказывала, что бабушка как раз и настаивала на таком варианте, но они с папой не рискнули.

Македонов только что открыл бутылку купленного со скидкой немецкого пива «Пауланер» и присел на летнюю траву, привалившись спиной к стволу чудом сохранившегося в городе тополя. Какое-то время назад тополя активно уничтожали, защищая права астматиков и аллергиков, деревья-убийцы спиливались по всему городу. Спиленные стволы и ветки долгое время гнили под дождем и снегом, но постепенно исчезли практически без следа. Антон, прильнув к чудом выжившему тополю, даже не подумал, что это тополь, для него это было просто дерево, одно из многих, безымянных, форма листьев которых ему ни о чем не напоминала,

потому что он способен был отличить только клен от березы, и то только благодаря хоккею – на флаге канадской сборной был изображен кленовый лист, а березу Македонов отличал по стволу, грязно-белому и в то же время соблазнительному своей растрепанной кроной, в ней чувствовалась какая-то женская близость или доступность, нет, все-таки близость, так точнее, потому что она была скорее сестрой, чем любовницей, эта береза, немного беспутной и безалаберной сестрой.

И в этот момент, когда он сделал первый глоток пенной, как вода за кормой катера, жидкости, прикрывшись листвой дерева, которое не успели линчевать, промежуток времени между вспышками молний и раскатами грома сократился до пары секунд, и гроза обрушилась на Македонова, на тополь, на микрорайон и район, на весь город и его окраины, и в ту же самую секунду, практически одновременно с хлынувшими на землю струями, он почувствовал, как в нагрудном кармане завибрировало его сердце, так ему показалось в первое мгновение – что это сердце забилось в особом режиме, незнакомом и поэтому пугающем, на самом же деле звонил сотовый, точнее звонил кто-то другой, а сотовый трепыхался, как брошенная на дно лодки рыба, пытаясь своими судорогами привлечь внимание Антона.

Македонов вытащил трубку из кармана, и ее немедленно залило дождевой водой, лишая его возможности увидеть, кто звонит. Он нажал на кнопку вслепую, телефон не послушал-

ся, Македонов продолжал нажимать мокрыми пальцами на зеленый кружок, а рыба продолжала трепыхаться, наконец что-то с чем-то соединилось, Македонов поднес выскальзывающую трубку к уху и услышал знакомый голос, который он не перепутал бы ни с одним из других голосов, потому что этот голос был смазан маслом со всех сторон, он скользил как Плющенко по льду в свои лучшие годы и был, как Плющенко, радостен и нес позитив. Да что Плющенко, это был настоящий Гагарин, если, конечно, космонавтов смазывают сливочным маслом или вазелином перед запуском в космос.

– Да, конечно, – ответил Македонов на полуутвердительный вопрос, есть ли у него минута для разговора. И это была совершенная правда, потому что торопиться Антону было некуда. Варя еще не пришла с работы, где она задерживалась день ото дня все дольше, захватывая фрагменты позднего вечера и даже ранней ночи, а самому Антону задержаться было негде, потому что его работа заключалась в переводе чужих текстов и редком, спонтанном написании своих собственных, которые он читал спящей Варе, когда она возвращалась домой, в их съемную «однушку» на Петроградской стороне, принимала душ и валилась в постель, потрепав Антона по голове. Тогда он делал себе чашку кофе, брал компьютер и, устроившись на полу возле кровати с чашкой и компьютером, читал написанное. Переводы тоже читал, и Варя слушала, пусть и во сне, но ведь неизвестно, как в действительности устроен человеческий мозг, наверняка он работает и во

сне, и все эти тексты, все эти произнесенные с определенной интонацией – потому что нет ничего более важного в литературе, чем интонация, – слова падали куда-то глубоко в подсознание Вари, скатывались по нейронным туннелям и лабиринтам в неизведанные хранилища, похожие своей первозданностью на глубины мировых океанов, чтобы лежать там до срока, а может быть, и после него, или вне его, если вечность все-таки существует, а Македонову очень хотелось бы на это надеяться.

– Без вечности скучно, – сказал он Варе однажды утром, и она удивленно подняла на него глаза от тарелки с глазуньей.

– Как это? – спросила она удивленно.

Антон не знал, как объяснить. Нужно было подобрать определенные слова, привести характерный пример необузданного веселья с вечностью, но, кроме бала у сатаны в «Мастере и Маргарите», как назло на ум ничего не приходило, а он имел в виду совсем не оргию, не возлияния или возлежания, а нечто совсем иное.

– Смотри, – сказал он, но Варя и так на него смотрела, а он молчал, и это выглядело достаточно глупо.

Слава богу, что она привыкла к его неторопливой манере говорить о вещах, думая на ходу, и передумывая, и отказываясь от только что сказанного, и теперь терпеливо ждала, осторожно пережевывая яичный белок, стараясь не спугнуть движением челюстей мысль, которую он пытался поймать, словно это была моль, залетевшая на кухню и угрожавшая

вывести здесь потомство и сожрать все крупы и макароны, имевшиеся в доме.

– Вот падает с дерева лист, – продолжал Антон, – ветер подхватил его и несет, кружит, как опытный мужчина молоденькую девушку, совсем еще девчонку, впервые пришедшую на танцы, и ты следишь за этим падением, потому что в конечном итоге это все-таки падение, а не взлет, и думаешь: а бывает ли в принципе взлет в подобной ситуации. И если бывает, то почему? А если не бывает, то тем более – почему? Ты следишь за этим листом, даже переходишь на быстрый шаг, а потом на бег, чтобы успеть подобрать его в той точке, куда он опустится, но его несет все дальше, на ту сторону оживленного проспекта, по которому проносятся машины, потому что машинам в больших городах всегда горит зеленый, а пешеходам – красный, и ты теряешь его из виду, но тебе ведь было с ним интересно, и у тебя почти не возникает сомнения в том, что он – часть вечности, он бессмертнее тебя, и, конечно же, тебе интересно понять, почему так… И почему он умеет летать, а ты нет. И ты над этим думаешь, и тебе не скучно жить, пока ты думаешь. Жаль, что ты так и не узнал, взлетел он в итоге или упал. Ведь это, как ни крути, самое важное. А потом ты приходишь домой, снимаешь кроссовки, ужинаешь, включаешь телевизор – а там, например, новый фильм, даже пускай не голливудский боевик, не «Форсаж-7», а что-то более-менее человеческое, какой-нибудь «Аромат Ивонны», экранизация нобелевского лауреа-

та по литературе, точнее говоря, не самого лауреата, а одного из его произведений, ну да ты меня поняла… Но тебе неинтересно за этим следить, потому что ты знаешь, чем это кончится: они расстанутся, да режиссер даже и не пытался это скрыть, сразу показал пламя костра. Разве что ты могла подумать, что он сжигает там свои журналы, а на самом деле это оказался горящий автомобиль, в котором погиб тот самый опытный мужчина, пытавшийся кружить и вращать молоденькую девушку, так что круг в каком-то смысле замкнулся, только тебе скучно, потому что это… Не то.

Он замолчал и отхлебнул глоток кофе. Варя давно уже не видела его таким взволнованным.

– Ты с ума сошел, – сказала она серьезно. – «Аромат Ивонны» – один из моих любимых фильмов. Вспомни, как хороша там Сандра Экстеркатт. Не смей ставить Сандру Экстеркатт в один ряд с «Форсажем», тем более седьмым.

– Как ты запоминаешь их имена? – задумчиво спросил Македонов. – Я даже повторить не возьмусь. – Сандра Экстра… экстра – что?

– Она же играла в «Холодной луне», по Буковски. Помнишь, ты же сам его притащил с какого-то развала, еще в те времена, когда диски за деньги покупали, убеждал меня, что нужно смотреть хотя бы экранизации, раз уж я не читаю книг. Память девичья?

– Название же я помню. Я просто не помню, о чем он. А он о чем?

– Два мужика слоняются без дела, придумывают разные гнусности.

– Поэтому и не помню. Это сюжет каждого второго фильма. Например, «Вальсирующие» с молодым Депардье, если навскидку.

– Не беси меня. Ты не можешь не помнить. Они там крадут труп девушки в морге и занимаются с ним любовью, а потом топят в море.

– Какая гадость, – сказал Антон. – И тебе нравятся такие фильмы?

Варя чуть не поперхнулась яичницей, и в глазах у нее вспыхнул недобрый для Македонова огонек.

– Ты совсем ополоумел?! Ведь это же ты мне его показал!

– Не знаю, – честно признался Антон. – Может быть.

– Вот… – она поискала в телефоне, доедая яичницу и убирая тарелку в раковину. – Девяносто первый год.

Как будто год выхода фильма на экраны доказывал тот факт, что Македонов откуда-то его приволок и предложил Варе его смотреть.

– Иди ты знаешь куда… – лицо Вари раскраснелось, и Македонов понял, что перегнул палку. – Все, мне пора на работу.

– Я приготовлю ужин.

Македонов попытался затушить вспыхнувшую ссору. Ему было жаль, что совершенно безобидный разговор про летящий лист неожиданно закончился размолвкой.

– Фахитос сгодится?

– К моему приходу выучишь словосочетание «сандра экстеркатт».

Варя пустила воду в ванной и появилась на пороге комнаты с зубной щеткой во рту.

– Понял?

– Тогда ты меня простишь? – спросил Македонов.

– Ты как лист, про который ты только что рассказывал, – не доставая щетку изо рта, пробурчала Варя, поэтому Македонов скорее догадался о смысле сказанного, чем на самом деле услышал. – Пока что я перехожу на бег, чтобы успеть в ту точку, куда тебя занесет, но боюсь, ты окажешься на другой стороне оживленного проспекта, и я потеряю тебя из виду.

– А тебе разве неинтересно, взлечу я или упаду?

– Интересно. Иначе зачем бы мне переходить на бег?

Она накрасила губы, поправила юбку и вышла на лестничную клетку, не закрыв за собой дверь. Македонов еще долго стоял и смотрел, как она спускается по ступенькам, потом слушал, как открылась и закрылась внизу дверь парадной, и еще какое-то время слушал тишину и вдыхал запах ее духов, смешавшийся с запахом сигаретного дыма, которым немедленно потянуло с площадки, и все-таки еще уловимый. Антон подумал, что охотничья собака вот так чует след и может бежать по этому следу, как по тропинке, не сбиваясь и не плутая, а главное – не теряя уверенности в том, что бежать

надо, бежать просто необходимо, бежать жизненно важно, потому что это единственный способ сохранить и сберечь и, может быть, спастись и выжить. Или хотя бы просто спастись.

2

На следующий день была суббота, но они все равно проснулись рано. Варя – потому что она была жаворонком и так работали ее биологические часы, а Македонов – потому что Варя была жаворонком и свиристела довольно громко какую-то мелодию, проверяя почту в телефоне.

– Сандра Экстеркатт, – сказал Македонов, не открывая глаз.

– Что? – переспросила Варя, погруженная в очередное сообщение.

– Экстерррркаттт, – со вкусом повторил Македонов. – Ты велела выучить.

Он по-прежнему не открывал глаз, но почувствовал на себе ее выжидательный взгляд.

– Просто, понимаешь, это как-то странно… – сказал он. – Мы живем, как будто в гостях, не зная, кто приютивший нас хозяин. Как в «Аленьком цветочке»: все появляется и исчезает как бы само собой. Для верующего человека мои мысли, наверное, вообще покажутся смехотворными, у него есть четкое представление о том, как все устроено, и даже инструкция по эксплуатации приложена. А мне чем руководствоваться? О чем писать? И писать ли вообще? Какие книги переводить и зачем, если не брать в расчет гонорар за перевод, ничтожный, по сути? Что делать человеку после то-

го, как Ницше сказал ему: ты свободный творец, создавай и живи в этом. А если я не могу создать ничего достойного? Прикажешь мне все равно в этом жить? В своей собственной убогой вселенной?

Македонов наконец открыл глаза и сел на кровати.

Ночью ему пришло сообщение в фейсбуке от бывшего… бывшего друга? Странное словосочетание. Бывшего товарища по университету? Но они были чем-то большим, чем товарищами. Кто он вообще, этот загадочный Игорь Аркасов? В первые секунды после прочтения сообщения Македонов подумал, что никакого Аркасова никогда не было, он просто приснился ему когда-то давно и с тех пор появлялся время от времени в этом бесконечном сне с продолжением. Сне-сериале. Македонов учился с ним вместе на филфаке, потом пошел в аспирантуру на литературоведение, а Игорь уехал в Норвегию и устроился на китобойное судно, но с тех пор прошло уже лет десять, не меньше, за которые Македонов напрочь забыл о своем студенчестве и людях, которые его окружали в те годы.

– Представляешь, в мире еще бывают киты, и более того – китобои, которые на них охотятся. Киты – ведь это что-то очень древнее, да? Мне всегда казалось, что сначала были звезды, потом динозавры и после них – киты. Они, наверное, еще видели динозавров. Ну, не в смысле те киты, которые живут сегодня, а их предки.

– Угу, – согласилась Варя, – киты древние. Раньше на них

Земля крепилась каким-то хитрым образом, но потом хватило ума закрепить иначе. – Не выпуская из рук мобильный, она пошла на кухню жарить омлет, но процесс затягивался на неопределенное время, потому что, когда Македонов вошел к ней, она рисовала на бумажном полотенце физиономию героя из детской повести, которую ей дали иллюстрировать. – И они умеют разговаривать друг с другом за сотни километров. Даже за тысячи. Где твоя бейсболка?

Антон пожал плечами, хотя она не могла этого видеть.

– Зачем тебе? Я ее бросил в стирку.

– Хочу, чтобы персонаж носил бейсболку.

– Ты не можешь отдать персонажу мою бейсболку, – неуверенно возразил Македонов. – Потому что бейсболка настоящая, а персонаж придуманный. «Совсем как Аркасов, – подумал Антон. – Сам Игорь придуманный, вместе со своими китами, а университет настоящий».

– Мне нужен прототип бейсболки, – промурлыкала Варя.

Македонов взял бейсболку из корзины с грязным бельем и бросил Варе.

– Хорошее название для рассказа – «Прототип бейсболки». Как ты считаешь? – спросил он.

– И про что рассказ? – спросила Варя.

– Да по фигу про что. Просто название хорошее. Заставляет задуматься.

– Мне кажется, это глупость. Сначала напиши рассказ о чем-то, что заставляет задуматься, а потом уже будешь при-

думывать ему название.

Македонов какое-то время молча дулся, потом вернулся к прежней теме:

– Так вот, про китов. Я читал про самого одинокого кита в мире. Он уже почти тридцать лет плавает в океане и разговаривает с кем-то на частоте какой-то ненормальной, по-моему, она раза в два выше, чем у синих китов или финвалов. Его еще называют «пятидесятидвухгерцевый кит».

– С ума сойти, – удивилась Варя совершенно ровным тоном, нахлобучивая македоновскую бейсболку на голову персонажу. – А с кем он разговаривает?

Набросок ей чем-то не угодил, она выпрямилась, шумно выдохнула, бросила на Македонова укоризненный взгляд, как будто он был причиной постигшей ее неудачи, скомкала бумагу, бросила под раковину в мусорное ведро и наконец достала из холодильника яйца.

– В том-то все и дело, что неизвестно. У других же китов частота другая. Стало быть, они его не понимают. Может, он поет что-то или читает вслух стихи, какие-нибудь древние, японские или китайские стихи, которым не нужны рифма и размер.

– Прикольно было бы, – сказала Варя, разбивая яйца в пластиковую миску и щедро добавляя молотый черный перец.

– И тогда я подумал, что Игорь вот охотится на них и не видит в этом никакой вечности, для него это повседневность,

может быть, даже поднадоевшая работа, но потом он пишет мне сообщение и рассказывает про море, про фьорды, про то, как он спускается утром на улицу, и там пахнет рыбой из рыбной лавочки на углу, и разгружающие фургончик норвежцы желают ему доброго утра, а я слушаю и думаю про одинокого кита, потом рассказываю об этом тебе, и вечности с каждым рассказом прибавляется. Наверное, – добавил он неуверенно. – Ты как думаешь?

– Какой Игорь? – спросила Варя, обжаривая на сковородке бекон.

Македонов, которому казалось, что он уже все Варе рассказал про ночное сообщение, рассказал ей все еще раз, включая некоторые подробности десятилетней давности.

– И много китов он убил? – спросила Варя. – Твой товарищ по играм?

– Не знаю, – ответил Антон. – Я никогда его об этом не спрашивал, мы вообще почти не общались десять лет. Я вообще не уверен, что он – это он. Может, это какой-нибудь специально обученный бот мне пишет, чтобы добраться до моих паролей. Спроси его сама, когда увидишь, – сказал Македонов, выйдя на балкон, чтобы поставить столик и стул для Вари. Второй стул едва помещался, но они все равно в хорошую погоду любили завтракать на воздухе.

Из кухни донеслось позвякивание вилок и ножей.

– А я его увижу? – послышался обеспокоенный голос Вари. – И когда же, раз уж мы об этом заговорили?

– Завтра, – ответил Македонов, заходя на кухню и беря с полки турку. – Ты увидишь его завтра. Он прилетает в Питер на три дня. Я вас познакомлю.

– И ты ничего мне об этом не сказал?

– Я все утро тебе только об этом и говорю. Я же не мог сказать тебе раньше, чем узнал сам.

– А если бы я не спросила? Я ведь могла и не спросить, когда я его увижу.

– Все равно бы узнала. Он будет жить у нас. Надо снять раскладушку с антресоли.

Это было прошлым летом, и даже удивительно, как сильно все изменилось всего за год, за какие-то 365 дней, за пятьдесят две недели… Пятьдесят две целых и сто сорок три тысячных…

3

«Так вот, объясняю, в чем смысл истории». Голос в трубке пах медом акации и был таким же густым и липким, заполняя слух Антона и вытесняя из него периодические раскаты грома и шум ливня. Вага любил слово «история» и заменял им целый ряд других слов, таких как «смысл», «ситуация», «задача», «план», «идея» и многие другие. Смысл «истории» у Ваги всегда сводился к деньгам. К прибыли в любых ее формах и воплощениях. Трудно было в это поверить, но в юности он был художником и даже окончил художественную школу, а картины его деда и сейчас можно было найти в каталогах значимых выставок. Он любил рассказывать о своем венгерском происхождении, объясняя, что его фамилия восходит к известному в Венгрии роду Варга, хотя Варя время от времени повторяла, что вага – такая специальная штука, которой управляют марионетками, и в этом смысле фамилия ему очень подходит. Чем писатели не тряпичные куклы. Вообще-то в Ваге было что-то артистическое, Антон подумал, что зря тот бросил карьеру живописца. Правда, его работ Македонов никогда не видел так же, как и работ его деда, – про выставочные каталоги он знал только со слов самого Ваги.

В данном конкретном случае «история» заключалась в том, чтобы взять японские хокку, разных авторов и эпох, и

донести их до рядового российского читателя, но в более приемлемом виде, то есть в таком виде, который позволял рассчитывать на их монетизацию. Вага гениально умел делать две вещи: платить за тексты как можно меньше и продавать их потом как можно дороже. Можно сказать, что он добросовестно выполнял свою работу. Когда речь заходила о высоких ценах на книги, он усмехался с видом специалиста и произносил всегда одну и ту же фразу: «О чем мы вообще говорим? Это же две чашки кофе в кафе средней руки». Хокку Ваге подходили идеально, как и все тексты, авторы которых умерли давным-давно и на выплату гонорара не претендовали, и даже поиск их наследников представлялся делом крайне затруднительным.

– Главное, они короткие и такие в меру сентиментальные, вполне в формате фейсбука, инстаграма и прочего, – пропел Вага в трубку. – Народ сыт сентиментальным, сейчас не девяностые: «Рабыню Изауру» людям уже не втюхаешь.

Антон сказал, что да, он готов подтвердить некоторое родство японской поэзии и постов в социальных сетях. Какие-то аналогии провести было можно. Только на кой черт Ваге он, Антон Македонов? Все эти тексты давно переведены, бери да печатай.

«Тут вот какая интересная история», – послышалось в трубке.

Через несколько минут Антон уразумел, что Вага недавно летел откуда-то в Москву, из какой-то европейской, скорее

всего, страны, название которой он на всякий случай ни разу не назвал, по всей видимости, чтобы Македонов не смог сопоставить географические детали с каким-нибудь постом в том же фейсбуке и понять, с кем и зачем Вага туда ездил, и обратил внимание, что среди бестселлеров в книжном магазинчике аэропорта была книга духовных текстов, то что называется на каждый день. «Чтобы человек, так сказать, развивался, учился сохранять внутреннюю гармонию и прочая лабуда», – добавил Вага, дабы Антон не решил, что он сошел с ума. И это, со слов Ваги, была офигенно хорошая тема. То есть люди были готовы платить за это деньги. И Вага решил эту «историю» реализовать на нашем рынке, только не с духовными текстами, «тут, знаешь, зыбкая почва», а с хокку. «Пусть будет такая немного пелевинская история, – добавил он. – Пелевин вон уже лет тридцать хорошо идет благодаря этим своим восточным темам». Только стихи народ у нас не читает, проблема, как понял Антон, сводилась к этому, поэтому надо было их переделать в коротенькие рассказики. В прозе. Такие… инстаграмного формата. Можно будет даже сделать версию для инстаграма, хорошая будет история, сказал Вага. Три с половиной сотни – это, конечно, перебор, а вот по количеству недель, «Сколько у нас там недель в году-то?» – спросил Вага и обрадовался, узнав, что пятьдесят две и еще сто сорок две тысячных.

«Отличная история получится», – довольным тоном сказал он.

– Ты что сейчас делаешь? – спросил Вага.

У него было правило, которому он никогда не изменял. С авторами, которых он издавал или держал в уме в смысле публикации, он неизменно был на «вы». Македонов к ним не относился. Он был переводчик, а текстам, которые он писал сам, по мнению Ваги, категорически не хватало хайпа. «Напиши что-нибудь про наркотики, а еще лучше – про религию и наркотики, мы тебя напечатаем, – дружески сказал как-то Вага в ответ на присланные Македоновым рассказы. – Или хотя бы залезь на Александрийскую колонну, и пусть тебя оттуда снимают пожарные. Вот это будет хорошая история».

– Сижу под деревом. Тут гроза.

– Да, лупит ливень… Ну и хорошо, не люблю жару. Особенно в Питере. Спрятаться негде. Вот в Париже – нырнул в фонтан или устроился в тенечке в Люксембургском саду, – хохотнул Вага. – Никакое пекло тебе не страшно. Я имею в виду не прямо сейчас. Вообще. Над чем работаешь? Может, возьмешься за самураев?

И Македонов согласился. Потому что ему нужны были деньги. Хотя бы какие-то деньги, чтобы положить их в кошелек и носить там, и иногда доставать, расплачиваясь в магазинах, а не брать из холодильника купленные Варей продукты, делая вид, что это современный вариант скатерти-самобранки.

4

Да это ведь дождь
Начался там, вдалеке!
А я-то думал,
Просто туман спустился
С гребня горы Судзука́…

– Красиво, – сказала Варя.

– Только это не хокку.

– Какая разница.

– Разница в количестве строчек и слогов. Форма другая, вот какая разница.

– Тебе что заказали сделать? – спросила Варя, глядя на него как на маленького несмышленого ребенка. – Написать короткие текстики в прозе. В прозе, понимаешь? Там нет никаких слогов и строчек. То есть, конечно, есть, – сбилась она, – но уже в другом смысле.

Македонов посмотрел на нее внимательным взглядом.

– Но оригинал-то будет не хокку, – неуверенно сказал он.

– Ты что, идиот? – спросила Варя.

– Не знаю, – честно ответил Македонов. – Вага сказал…

– Ваге вообще наплевать, что ты возьмешь и откуда. Я ему детские книжки иллюстрирую, ты в курсе. Знаешь, как они

детскую литературу печатают? Берут исходник на бесплатном сайте, лишь бы не платить ни цента, не сверяя его ни с чем, проходятся корректором – и вперед, в типографию. А ты хочешь, чтобы он сличал твои хокку.

– Я не хочу как раз таки…

– Короче, ты меня слышал, бери любые тексты, лишь бы японские были.

– А можно я возьму «Охоту на овец» Мураками?

– Бери, только ужми до коротенького рассказа на полстранички.

Македонов кивнул и стал одеваться.

– В библиотеку? – спросила Варя.

– Нет, так. Просто пойду прошвырнусь. Может, устаканятся мысли в голове.

На пороге он обернулся.

– Слушай, а где это место, ты случайно не знаешь? Гора Судзука. Мы там с тобой случайно не были неподалеку?

– Не знаю. Погугли.

– Не хочу, – сказал Македонов. – Лучше буду думать, что я поднимался по ее склону. Так интереснее.

Он обнял Варю сзади и хотел поцеловать, но она мягко высвободилась и накрыла его губы пальцами, как будто призывая к тишине.

– Не сейчас, ладно?

– Ладно, – сказал Македонов.

«Интересно, это уже дождь или пока еще только туман?» –

думал он, спускаясь по лестнице, и часто моргал, пытаясь прогнать с сетчатки глаз такое близкое лицо Вари с едва заметно выступающими скулами.

5

В такую грозу обычно не летают самолеты, а магазины и кафе аэропортов переполнены людьми, ожидающими вылета. Они устали от вынужденного соседства, с них течет пот, запах которого все больше переполняет закутки возле выходов на посадку. Это похоже на коровник или телятник, куда загнали скотину после выпаса, и теперь она толпится в проходе, ожидая, пока откроют дверцы загонов. Люди сидят на полу и на собственных чемоданах, счастливчики оседлали немногочисленные стулья возле кафешек, им повезло, если, конечно, несколько часов, проведенных на стуле, можно назвать везением.

Диспетчер время от времени объявляет, что самолет еще даже не прилетел, потому что молнии не дают ему сесть, и он кружит, как горный орел над водой и сушей, ожидая разрешения на посадку. Про горного орла диспетчер, разумеется, не говорит, это уже пассажиры додумывают сами. Диспетчер не умеет и не имеет права мыслить образно, для него самолет – это механизм с бортовым номером и местом в расписании полетов. Про орлов и людей диспетчер не думает никогда. Люди медленно преют, вдыхая испарения друг друга, вбирая в себя чужой страх опоздать, чужие бешенство и бессилие, чужие опустошенность и тревогу, чужое безразличие к чужой опустошенности и тревоге. Безразличие почти не имеет

запаха, разве что его можно назвать несколько скомканным и затхлым, как воздух в комнате, которую давно не проветривали.

Македонов теперь, сидя под деревом и считая, сколько прошло секунд между вспышками молний и раскатами грома, вспомнил, как он несколько лет назад сидел вот так в аэропорту во время грозы, это было… неважно, прошло достаточно мало времени для того, чтобы он забыл подробности того ужасного дня. Стоило закрыть глаза, и Македонов видел все так, словно это произошло вчера. Он хотел успеть повидать одну девушку по имени… и это тоже неважно, имя теперь уже не играло роли, фантомы вообще лучше не называть по имени, Македонов как всякий человек, имеющий дело с текстом, был суеверен, произнесенное слово обладает силой, часто магической и непонятной. «Нам не дано предугадать, чем слово наше отзовется». Это точно, точно и гениально. «Гениально, это когда точно про незримое и, может, даже несуществующее», – подумал Антон.

У нее была пересадка в Риге, откуда она летела дальше, в Скандинавию, и еще дальше. Дальше, дальше, дальше… Так, кажется, называлась одна книга. Или фильм. Нет, все-таки книга. Антон ее не читал, но сейчас вспомнил, как выглядел корешок. Она стояла много лет напротив его кровати. Почему-то в его комнате была книжная полка родителей, и он засыпал, произнося про себя названия романов, которых не читал. Македонов прилетел тогда в Ригу на три ча-

са позже и не застал ее, поэтому, несколькими часами ранее, предчувствуя скорую невстречу, так метался по питерскому аэропорту, проклиная молнии, авиакомпанию и звезды. Особенно звезды, потому что в конечном итоге это ведь они управляют всеми этими взлетами и посадками в прямом и переносном смысле, даже когда человек взлетел, не поднимаясь по трапу, вообще не прибегая к помощи летательных аппаратов, а просто от ощущения небывалой удачи, или славы, или любви – ответной или безответной – в ответе за это звезды; они подлинные диспетчеры, они дают добро на взлет и следят за тем, чтобы мы не столкнулись в воздухе, ведь небывалая удача случается с людьми не так и редко, а любовь, в особенности безответная, и того чаще.

Звезды услышали Македонова, потому что претензии его были обоснованы, а состояние плачевно, поэтому вечность вмешалась незамедлительно, как в случае со срочной хирургической операцией, и, сев в обратный самолет, летящий – теперь уже точно по расписанию – рейсом «Рига – Санкт-Петербург», Антон Македонов оказался на месте 11 C, а на месте 11 D, то есть у окна, сидела девушка в больших зеленых наушниках.

Уже стемнело, когда они взлетали, но в небе краски еще сохранились, самолет наклонился на левое крыло, и в иллюминатор стало видно темную гладь воды и грязно-коричневую полосу заката, смешанную из умерших лучей уже зашедшего солнца и нескольких рваных клоков туч.

«Как будто разводы йода на чьей-то коже», – сказала девушка вслух, довольно громко, как это делают люди в наушниках, не слышащие своего голоса. Наверное, она сказала это самой себе, это были мысли вслух, не более того, но прозвучало все так, как будто она обращается к Македонову, и он вздрогнул, потому что его одиночество прокололи иголкой, и оно лопнуло в его голове с громким хлопком. «Небо поранилось воон там, над самой водой, и выступила кровь, и тогда на рану плеснули йодом, не думая о том, как это больно. Цвет йода – это цвет боли, – добавила девушка в наушниках через несколько секунд. – И тоски. И бренности, потому что это ещё и цвет ржавчины».

Тогда он спросил ее, не рисует ли она.

Она не расслышала, все еще уверенная, что разговаривает сама с собой.

Македонов протянул руку и осторожно коснулся ее плеча.

Она и вправду рисовала. Иллюстрации к детским книгам. Ну и подрабатывала художником на пару дизайнерских фирмочек.

– Я люблю, когда все в жизни к чему-то приложено, – сказала она. – Бесполезное через какое-то время утрачивает красоту, даже если она в нем была. Нет жизни, нет красоты. Базаров мне всегда нравился гораздо больше Аркадия. А эта Катя, в которую влюбляется в итоге Аркадий, ведь лучше сразу умереть, чем быть Катей.

И Македонов зачем-то выложил ей все-все-все. Про грозу

в аэропорту, про ощущение нарастающей катастрофы, которой невозможно противостоять, про людей, от которых пахло скомканной безысходностью, про то, как он бежал по коридорам рижского аэропорта, хотя мог уже не бежать, ведь нельзя бежать быстрее, чем летит самолет, и про одиночество, которое только что лопнуло где-то внутри, когда он сел рядом с ней.

Она внимательно слушала, потом протянула ему один наушник.

И совершенно случайно мы взяли билеты
На соседние кресла на большой высоте.

Это был «Сплин». Вопреки своему названию, он поднимал настроение.

У девушки, помимо наушников, была ямочка на подбородке, и левое ухо чуть оттопыривалось в сторону. Ее звали Варя Стоганова.

6

Антон поднял взгляд от компьютера, услышав легкие шаги на лестнице и почти сразу – такой же почти невесомый скрежет ключа в замочной скважине. Его всегда удивляла эта ее легкость, на которую не влияли ни усталость, ни сложности на работе. Выпуская ее руку из своей, он каждый раз отпускал воздушный шарик и каждый раз боялся, что уже не успеет снова схватить за нитку.

Варя вошла в тесную прихожую и, присев на корточки, стала расшнуровывать ботинки.

– Надо официально обратиться к авторам в других странах, чтобы они делали пометки в тексте для русских переводчиков, – вздохнул он.

Варя бросила кофту на спинку стула, откуда та с кошачьей грацией немедленно соскользнула на пол, но Варя и не думала ее поднимать. Она не шла наперекор предметам, и если бы не Македонов, вещи в их квартире вообще делали бы, что хотели. Цепочка с кулончиком постоянно ошивались на кухне, пару раз Македонов даже доставал их из чашек и стаканов. Варины иллюстрации к детским книжкам отклеивались от стен, куда она крепила их специальным пластилином, чтобы не повредить обои, и осенними листьями шуршали под ногами. Ботинки могли с легкостью оказаться на подушке, и только зеленые наушники почти всегда были у Вари на голо-

ве. «Так в хаосе зарождается космос», – думал Македонов, с улыбкой глядя на Варю. Единственное, чего он не понимал: как в этой девушке уживаются дикая разбросанность и энергичная вера в то, что все в жизни, даже искусство, должно иметь конкретную точку приложения. «Наверное, есть такие двухэтажные люди, и Варя – одна из них, – думал Антон. – У них на одном этаже происходит одно, а на другом – другое». Одноэтажному Македонову это казалось очень практичным, и он Варе немного завидовал.

– Что на этот раз? – она остановилась у него за спиной, но не обняла как обычно, а только смотрела в текст через его плечо.

Что-то неуловимо изменилось за последний год, Македонов не смог бы сказать, в какой именно день или из-за чего это произошло, но их отношения перестали быть прежними. Изменился сам взгляд, которым Варя на него смотрела. Он как-то вдруг опустел, как глубокий колодец, из которого вычерпали воду, изумрудного цвета воду, в тон которой когда-то были куплены наушники.

– Да ну, бред полный, – пожаловался Македонов. – Рассказ про любовь, только я не понимаю, кто тут мужчина, а кто женщина, – сказал он. – Неужели так трудно поставить по одному-единственному разу в скобках, какого пола персонаж. Там, где они впервые появляются в тексте. Дальше читатель уже сам разберется. В туалетах же пишут буковки М/Ж и даже картинки рисуют для неграмотных, а там риск

ошибиться, кстати, меньше, чем здесь.

– Так оставь, как у автора. Как у него в тексте? – спросила Варя.

– «Я» и «ты» у него, у этого болвана. Точнее, у этой.

– Так и оставь, пусть и по-русски будет непонятно. Так даже лучше, интереснее читать, дополнительная интрига.

Непонятно было, пошутила Варя или нет.

Она пошла в ванную, и оттуда через открытую дверь донеслось:

– Может, это вообще двое мужчин или две женщины. Тут у тебя просто кубик Рубика, а не рассказ. Крути как хочешь, в свое удовольствие.

– Я не могу оставить «я» и «ты», – сказал Антон. – То есть могу, конечно, но это не поможет.

Это было сказано таким замогильным тоном, как будто он стрелялся на дуэли и теперь рассматривает дырку в животе размером с грецкий орех.

– Что? – послышалось из ванной.

– Не поможет, – повторил Македонов, – тут прошедшее время, в окончаниях русских глаголов оно требует четкого понимания рода. А значит, и половой принадлежности, – добавил он.

– Не умничай, – сказала Варя, выйдя из ванной с капельками воды в волосах и в непременных наушниках. – Напиши все в настоящем.

– Как это?

– Так. Какая разница. Понятно же, что все это уже было. Не на коленке же автор записывает историю прямо по ходу. Неплохой, кстати, способ приблизить читателя к событиям. Вроде зума в фотике. По-моему, это удачная идея. Говорю тебе как читатель.

– Ты говоришь как иллюстратор, а не как читатель, – возразил Македонов. – Тебе проще, у тебя картинки, там вообще времени нет, ни настоящего, ни прошедшего… Нет, я так не могу, – с сомнением сказал Антон, подумав несколько секунд. – Переврать время во всем тексте! Это немыслимо.

– Переврать время нельзя, – сказала Варя. – Время всегда настоящее, – она засмеялась, – вот тебе, кстати, каламбур, запиши, вставишь в рассказ, дарю! Дай глянуть…

Она взяла со стола несколько листков с распечатанным текстом и терпеливо стала читать. Она всегда все делала терпеливо и дотошно, без этого невозможно создавать внешность героев. Автор текста может позволить себе держать образ героя в голове, не утруждая себя проработкой внешности, все равно каждый читатель додумает свою. Здесь же ребенок первым делом откроет картинки и будет разглядывать, какой он из себя – персонаж, какие у него волосы, во что он одет, какая у него улыбка.

– Ты что-то там понимаешь? – устало спросил Македонов.

– В общих чертах, не мешай.

Она вышла с листками на кухню, взяла из холодильника мытое яблоко и принялась его грызть, не прерывая чтения.

Антону стало скучно, он лишился и собеседницы, и текста, но он по опыту знал, что если Варя за что-то взялась, то оторвать ее уже нереально.

– А кто такая Лаура? – спросила она сквозь яблоко.

– Какая Лаура? – удивился Македонов.

– Лаура на предпоследней странице.

– Я дотуда еще не дочитал, – признался Македонов.

От удивления Варя перестала хрустеть яблоком.

– Ты что, рассказ не дочитал до конца?! Здесь же шесть страниц всего!

Она бросила листки обратно на стол.

– Я не могу переводить то, что я уже прочел, – пожаловался Антон. – Тогда скучно работать.

– Так, конечно, веселее, ты прав, ладно, мне пора на боковую, завтра надо с утра к заказчику заскочить, по дизайну его студии. Если повезет, на следующей неделе он зашлет нам денег.

– Интересно, кто там второй, – задумчиво произнес Антон. – Лаура и…

– Какой-то мужик.

– Откуда ты знаешь?

– На последней странице у него там член. Точно тебе говорю, дочитай, сэкономишь время и нервы.

Когда он через несколько минут, дочитав до конца текст, подошел к кровати поцеловать Варю, она уже спала. Он осторожно снял с нее наушники и надел на себя, присев рядом с

кроватью на пол. Сначала он не услышал ни звука и решил, что Варя, наверное, выключила запись на айфоне, но потом до него долетел плеск воды, и где-то вдалеке заплакал ребенок, или мяукнула кошка, потом все затихло, только чайки пытались перекричать шум прибоя. И опять – тоскующий голос, голос маленького ребенка, издающего нечленораздельные звуки, от которых у Македонова пробежали мурашки по коже. Он вдруг отчетливо понял, что происходит с Варей и куда ушло чувство к нему, Македонову, из ее взгляда. Сюда, в океан. Детский голос, шедший из нечеловеческой дали, на самом деле был пением. Это пело огромное, древнее, заросшее ракушечником существо, чьи предки застали динозавров.

7

Если попадаешь в самую что ни на есть первую грозу в году, то при первом раскате грома можно прислониться к чему-нибудь деревянному и загадать желание. И оно непременно исполнится. Так говорят знающие люди, которые, наверное, испробовали это на себе, и их желания исполнились. Все непременно получится. Если тебя, конечно, не убьет молнией. Эта доверчивость у нас от предков, которые были язычниками и верили в леших и кикимор, водяных и домовых, в камни и деревья, траву и комья земли. Македонов решил на всякий случай желание загадать, потому что он все равно сидел под деревом, привалившись спиной к стволу, и ему не нужно было прилагать отдельных усилий, если не считать усилия ментальные, поскольку загадывание желаний не самая легкая задача и требует серьезной затраты внутренней энергии. Больше всего ему хотелось, чтобы у них с Варей было все как раньше. Раньше – это до приезда к ним Игоря. Потом что-то разладилось, какая-то шестеренка соскочила и закатилась в недосягаемое место, и Варя стала другой. Это, конечно, фантастическое по психологической точности наблюдение Андерсена в «Снежной Королеве» – бах, где-то какие-то тролли, лешие, зеркала, кикиморы, и уже осколок в зрачке, заноза глубоко под кожей, еще невидимая глазу, но уже начинающая гноиться, и вся жизнь превращается в по-

иски этого источника воспаления. Ведь не спросишь человека: что с тобой?

Он скажет тебе, что все нормально, и не покривит при этом душой, потому что человек никогда не замечает, как изменился он сам, он замечает только изменения, произошедшие в другом, в некогда любимом и любившем, некогда комфортном и уютном, превратившемся теперь в равнодушную тень, каких много бродит вечером вдоль берега моря и прячется в парках, изживая новое, еще непривычное для себя состояние – одиночество.

Антону хотелось, чтобы Варя стала прежней, хотелось вернуть ее, но, с другой стороны, ему хотелось измениться самому, потому что он прекрасно понимал, что настоящая причина ее растущего равнодушия к нему – он сам. Он перестал быть ей интересен, потому что в человеке интересны детали, неповторимые мелочи, а Македонов словно был составлен из переведенных им текстов. И его тяга к вечному была очень тривиальной, он сам это прекрасно понимал. Пустая болтовня. Все это уже давно жевано-пережевано, даже Гофман отчаялся думать и писать на эту тему, а уж на что был упертый романтик. И все-таки Македонову хотелось видеть в их отношениях нечто большее, чем просто семью, в которой мама и папа ходят на работу, а дети в школу. Только он не мог сформулировать, что это должно быть в его понимании. «Вот романтики придумали себе двоемирие; может, не изобретать велосипед», – решил Македонов. Пусть будет

двоемирие. «Хочу быть и там, и здесь, в обоих мирах, – загадал Македонов, – хочу быть с Варей и в то же время хочу быть неотъемлемой частью вечности, хочу быть пением китов и китобоем, словами и печатной машинкой, хочу соединить оба мира и сохранить». В этот момент полыхнула молния, и через пару секунд раздался оглушительный раскат грома, а потом, как мы уже знаем, в кармане Македонова завибрировал мобильный телефон.

8

В полусумраке за окном заливалась какая-то певчая птаха, и в пустоте улицы это звучало не менее гулко и эффектно, чем автомобильная сигнализация: «тыц-тыц-тыц-тыц, квя-квя-квя-квя-пюди-пюди-пюди».

Какое-то время Варя пыталась понять, где она. Когда просыпаешься где-то в новом месте, несколько секунд тебя еще не покидает ощущение, что ты дома, и только потом мозг понимает, что пора ориентироваться в геометрически непривычной ситуации. Игорь снял квартиру на окраине рядом с парком, так ему проще было добираться до аэропорта, отсюда эти «пюди-пюди-пюди», в их с Маком квартире ее бы не разбудил птичий щебет. Сам Игорь спал рядом, сунув под голову плюшевого пса, которого он выиграл в какую-то глупую лотерею на пароме много лет назад. Был конкурс детских рисунков, и хотя ему было уже за двадцать, он нарисовал ежа и получил приз. Тогда ему это казалось очень забавным, теперь было жаль, что он лишил кого-то из детей игрушки. Он рассказал ей вчера эту историю, отдавая ей свою подушку. Они с плюшевым псом были чем-то похожи. В них была безмятежность и какая-то неприкаянность.

Игорь был похож не только на плюшевого пса; загадочным образом он был похож на самого Македонова, или это Македонов был похож на Игоря, она словно смотрела на речную

заводь, в которой отражалась наклонившаяся над водой ива, и не могла понять, видит ли она саму иву или ее отражение. Кто из них был настоящим, а кто – тенью?

Было очень некстати, что она проснулась от пения птицы. В голову сразу полезли мысли про Мака, про то, как она объяснит ему свое ночное отсутствие. Врать точно было бессмысленно. Хотя Мак, наверное, ни о чем ее не спросит. Варе не хотелось сейчас занимать голову этими мыслями, иначе она вообще не сможет уснуть. Она переживала за них обоих, ведь по ее вине метроном их отношений засбоил, стал отсчитывать удары все реже, а потом и вовсе почти остановился, изредка издавая приглушенный щелчок. Но думать об этом значило бы пустить в себя тревогу, страшный вирус, от которого потом не избавиться никакими силами. Когда она была маленькой, у нее часто случались приступы сильного беспокойства, и родители водили ее к психологу, который советовал модели поведения – и для них, и для их девочки. Именно в те годы она воспитала в себе привязанность всего ко всему, обязательную обусловленность вещей и событий. Ничто не должно быть просто так, ни к чему не прикрепленные события и люди начинали вызывать у нее беспокойство, пока папа не находил им нужную нишу, словно раскладывая по папочкам. Он спокойно проговаривал с Варей всю цепочку необходимости того или иного поступка, и это со временем стало ее панцирем. Ничего случайного. Единственной случайностью в ее жизни была встреча с Маком в самолете.

Но она не вызвала у Вари тревожного чувства…

Варя тихонько, чтобы не разбудить Игоря, выбралась из кровати и подошла к раскрытому окну. Не успела она подумать, что птица кричит довольно бессмысленные вещи, как в эту же секунду птаха, словно подслушав ее мысли, перешла на «теперь-теперь-теперь-теперь-теперь». Или она кричала «тень-тень-тень-тень», пытаясь докричаться до Вари?

Почему она это сделала, ведь она не любила Игоря и даже все еще не до конца верила в его существование, а Мака любила, во всяком случае, ей так до сих пор казалось, у нее внутри все медленно и смутно вращалось, как будто кухонный комбайн замешивал тесто. Неужели дело было в физической привлекательности Игоря? Он был очень хорош собой, фигура спортсмена, карие глаза, прямой, с легкой горбинкой нос. Если бы ей сказали, что его вскормила медведица на горе Иде и воспитали пастухи, она бы не усомнилась в этом ни на секунду. При этом в нем было что-то робкое и детское, временами он казался ей мальчишкой из детских рассказов, которые она иллюстрировала. Он как будто пришел из далекого, но хорошо знакомого ей мира. И Варя попала в круговорот этой красоты и беззащитности, пытаясь выбраться на поверхность и снова, раз за разом, погружаясь в него с головой. Ей хотелось узнать, что с ним будет дальше, как ей всегда хотелось побыстрее дочитать очередную историю, которую присылали из издательства. И еще – она боялась себе в этом признаться – Игорь напоминал ей пер-

вого парня, в которого она когда-то была влюблена и который, к сожалению, был женат. У него была собака, люто ее ненавидевшая… Все так банально. Мак никогда не задавал ей вопрос, нравится ли он ей в том смысле… в общем, в ее ли он вкусе. Она бы с самого начала честно ответила, что нет. Столкнувшись с ним на улице, она никогда в жизни не обратила бы на него внимания. Не ее тип, что называется. Потом она убедила себя, что это неважно, настоящие отношения строятся на внутренних качествах, и все же это где-то сидело в ней, до поры до времени, как оказалось…

Варя оставила окно открытым, вернулась в кровать, набросила на лицо футболку, и постепенно сон стал опускаться на нее, как туман опускается ранним утром на перелески, и на поле, и на серп реки, поворачивающей и исчезающей за своим же поворотом, и сквозь сон она слышала, как кто-то ровно дышит рядом, склоненная ива или ее отражение, или сама река, и как птица продолжает менять кодовые слова, опять ставшие бессмысленными, но как опытный радист Варя уже расшифровала целых два слова – тень и теперь – а даже одно слово – это ужасно много, гораздо больше, чем кажется, слово – это целый мир, хуже того – это черная дыра, в которую погружается человек, подошедший к слову слишком близко. Прошедший точку невозврата. Так говорил ей Мак, и теперь прямо сквозь сон она почувствовала горечь от затянувшейся на столько месяцев лжи. Слово устроено так же, как любовь: сначала притягивает подошедшего чересчур

близко, а потом отталкивает отошедшего слишком далеко. В обратном направлении это тоже точка невозврата. И даже если ты хочешь вернуться в эти черные дыры – иногда оказывается, что это уже невозможно, материя, из которой они созданы, отторгает тебя, и ты превращаешься в блуждающую звезду, звезду, не входящую в созвездия и потому никому не известную, кроме нескольких чокнутых астрономов, каждый из которых уже дал тебе – звезде – свое имя.

9

Тысячу лет мы
Просыпаемся вместе,
Даже если заснули
Мы в разных местах…

Варя не вернулась вечером, но написала эсэмэску, что у нее все в порядке. Антон бродил по ночной квартире, время от времени выходил на крошечный, полтора квадратных метра, балкон и смотрел, как бомжи роются в помойке. В голове крутились одни и те же строчки «Сплина», он поворачивал их так и эдак, убирал, добавлял и менял местами слова, пока не получилось подобие хокку, с одной лишней строкой в семь слогов, – подсознательно ориентируясь на классическую рифму а-б-б-а. Правда, сама рифма здесь отсутствовала, но рисунок сохранился. АББА. Была такая группа, ему всегда нравилась у них одна песня, «SOS», в последнем классе школы он практически выучил ее наизусть. Where are those happy days, they seem so hard to find… Где эти счастливые дни. Правда, где они. Еще один йестердэй, «Маккартни», разгуливающий по квартире и напевающий, за отсутствием слов, дабы не упустить ускользающую мелодию: яичница, как я люблю яичницу, боже, как я люблю яичницу,

просто обожаю ее, не могу без нее жить.

– Я люблю яичницу!!! – заорал Македонов с балкона что было мочи.

Бомжи перестали рыться в помойке и подняли головы.

– Во проняло человека… – сказал один из них.

– Наглотался дряни, – вяло отозвался второй. – Уж на что мы, и то… А этот…

«Это кошмарный сон, – подумал Македонов, закрывая балконную дверь, – но проснуться мы обязаны вместе».

И он снова бессмысленно ходил из комнаты на кухню, варил кофе, потом выливал его, остывший, в раковину, варил новый, боролся со временем, которое провело удушающий захват и теперь дожимало скулящего, ничего не понимающего Македонова, который, задыхаясь от собственной беспомощности, дрыгал ногами, и они несли его по квартире, судорожными шагами, то быстрее, то медленнее, он метался как плюшевый медведь по настоящей клетке и ждал одного – приближения утра.

10

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла,
Я пробудился вдруг.

Македонов иногда задумывался над тем, как, почему и в какой момент человек меняется. В литературе, понятно, он меняется по законам жанра. Какой жанр, такие и изменения. Если комедия, может, и вовсе никаких, так, легкий намек на улучшение, в принципе необязательное. В драме, там все сложнее, там нужна эволюция героя. Вот у них с Варей ведь драма же, думал Македонов. Не комедия же. Даже, может статься, трагедия. Теперь, когда она, вернувшись утром от Игоря, рассказала Македонову все, наступил кульминационный момент. В высшей точке нельзя зависать слишком надолго. Жизнь движется по синусоиде. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Поэтому детям так нравится качаться на качелях. Это так напоминает жизнь, все как у взрослых. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз.

И вместе с тем он не чувствовал никакой внутренней эволюции. Наоборот, ему казалось, что он не менялся лет с пяти. С этих самых качелей. Может, и с двух, трудно сказать: то, что было до пятилетнего возраста, он помнил слишком

смутно. Помнил, конечно, кое-что из страхов: как убегал по вьющейся тропинке, ведущей через яблоневый сад к колодцу, от соседского петуха. Собаку, рвавшуюся на цепи, к которой ему запретили подходить близко, сгнивший почти полностью мост через реку, на который кто-то из мальчишек постарше взял его как-то на рыбалку, ловить уклею прямо с моста, и было страшно переступать по шатавшимся, провалившимся во многих местах доскам, потому что далеко внизу, как ему казалось, бушевал поток, и мост был ненадежен, и ненадежен взявший его с собой мальчик, лица которого он теперь уже не помнит, и это ощущение зыбкости между бездной и небом запомнилось Антону и потом снилось много лет, да и теперь еще осколки того моста, рухнувшего в реку на следующий год, иногда всплывали в потоке сменяющих друг друга снов, и Македонов летел вместе с обломками в воду, кричал от ужаса и просыпался.

Даже здесь ничего не изменилось. И изменилось ли что-то вообще? Или он просто запомнил много слов, слов о словах, слов о словах о словах? А сам остался прежним, и вечность гнала его между яблонями вниз, к колодцу, и он улепетывал со всех ног, боясь и не успевая обернуться, но, как только погоня заканчивалась, что-то подталкивало его к тому, чтобы вернуться и поглядеть, хотя бы одним глазком, что она там делает, эта вечность. Зачем ему это, он и сам не знал, знал только про точку невозврата, но он же не дурачок, ему уже за тридцать, он понимал все или почти все про длину

цепи, на которой рвалась собака его воспоминаний.

Главное, что, пока он бродил по этому миру своей памяти, ему можно было не думать о том, как быть здесь и сейчас, чем заглушить эту тонкую, как комариный писк, тоску, куда девать червячка ревности, в какой коробок его запереть и что с ним делать потом. Можно, конечно, так и носить его в коробке всю жизнь. Во внутреннем кармане. Застегнуть на молнию и забыть о его существовании. «Пусть Варя сама решает, как поступить», – думал Македонов. Он был не в состоянии действовать, потом закрыл глаза на секунду и тут же увидел себя, бегущего, изо всех сил переставляя ноги, и не продвигающегося ни на метр.

Он бежал и задыхался, и задыхался все громче, сиплый шум переходил в крик, Македонов зажал руками уши и ждал, пока приступ пройдет. Через какое-то время, полминуты, минуту, раздался громкий хлопок, и бегущая фигура исчезла вместе со всеми издаваемыми ею звуками. Македонов вытер выступивший на лбу пот. «Что это было?» – с ужасом подумал он. Ему было понятно, что это была галлюцинация, но такая ясность не радовала. Бессонная ночь, беспокойство за Варю, многочасовое кружение в замкнутом пространстве что-то нарушили в нем.

Он хотел рассказать о случившемся Варе, но она уже крепко спала, шевеля губами и произнося слова, разобрать которые было невозможно. Он сел рядом с кроватью, всматриваясь в ее лицо, и вдруг понял, что впервые смотрит на

нее так внимательно, отмечая родинки, шрамики, морщинки, темные полукружия под глазами. Нижняя губа Вари припухла, и это было в ней особенно чужим, но в то же время притягательным. Македонов знал, где она была, знал с кем.

Не знал он одного: кто она, эта скуластая девушка-девочка, с которой он вместе качается на качелях. Теперь, когда Македонов оказался в самом низу, когда лист упал на землю, и, казалось, ему уже не подняться в воздух, Варя, напротив, взмыла на противоположной стороне доски в небо, и Македонов видел, как она счастливо улыбается, поднимаясь все выше и выше…

12

В конце весны зарядили дожди, сменив почти летнее пекло, установившееся в начале мая на несколько дней, хотя в разгар этой жары казалось уже, что она – навсегда, но холод с залива вернул себе свои права, север должен оставаться севером, в этом есть своя логика, потому что иначе нарушится система координат, смысл пребывания в тепле и в холоде, смена одного другим, цикл умирания и возрождения, цветы мать-и-мачехи весной и желуди осенью, зарывшиеся в прелую охру дубовых листьев, одуванчики, возвещающие окончательную победу над снегом, почки вербы, долго стоящие в банке из-под огурцов на кухне, из которых, как из пасхального яйца, вылупляется настоящее чудо – зеленый листок, еще совсем мягкий, свернутый в миниатюрный рулончик, как персидский ковер в восточной лавке, – но в нем уже шелест ручьев, щебет синиц, запах прошлогодней травы, перегнившей под снегом. Даже запах собачьих какашек, замороженных до весны и теперь оттаивавших в огромном количестве, наполняя двор запахом сортира, свидетельствовавшим при этом о предстоящих нескольких месяцах тепла.

Дождь барабанил в окно уверенно, как милиция в дверь, с осознанием собственного права, и Антон с Варей больше недели не появлялись на балконе, куда уже вынесли было раскладной столик. Они даже успели пару раз позавтракать

на балконе, хотя он был крошечным, и чтобы открыть и закрыть дверь, нужно было держать один из стульев в воздухе над перилами, и Антон все думал, а что если этот стул производства ИКЕА упадет вниз, с высоты третьего этажа, и размозжит кому-нибудь голову. Македонов ясно представлял себе, как он летит вниз, этот стул. Он даже испытывал странное искушение разжать пальцы и потом проверить – что-то сродни лотерее: что выпадет, какое число, даже можно сказать, какая судьба. Видимо, это в крови у русского человека – непременно испытать судьбу, повыводить ее из себя, позлить, потроллить, часто просто из скуки, а потом удивляться – за что? Откуда такие последствия? Откуда эта медлительность в душе и в ногах? Откуда нефарт и обломовская неспособность его перебороть? Ответ: оттуда.

Через неделю дождь прекратился, но когда Антон попытался выйти на балкон выпить кофе и заодно глянуть, не требуется ли экстренная просушка стульям или столу, он внезапно увидел под одним из стульев аккуратно свитое гнездо и в нем голубя, точнее, как это будет в женском роде – голубиху, нет, черт, неужели голубку? Ему всегда казалось, что это вымышленное слово, голубка моя, сосредоточие сентиментальности, пафоса и женских любовных романов. Голубка сидела на яйцах, два из которых было видно, а сколько их еще там пряталось под ней, сказать было затруднительно. Антон застыл на пороге балкона с чашкой в руке, потом неуверенно попятился, боясь помешать женщине, пусть

и птичьего рода, заниматься столь интимным делом. Он даже был уже готов произнести: «Пардон!» – но в последнюю секунду опомнился и, споткнувшись о порог и выплеснув часть содержимого чашки на футболку, осторожно притворил за собой дверь.

«Теперь у нас будет сначала роддом, а потом ясли и детский сад», – подумал Македонов. Все три заведения ассоциировались у него с шумом и хаосом.

Варе он пока решил ничего не говорить. Ему нужно было время – понять, как он сам относится к случившемуся, потому что ничто не происходит просто так, особенно с птицами, в этом Македонов был совершенно убежден. Достаточно почитать про голубя на Ноевом ковчеге или гусей, спасших Рим. У птиц всегда все вовремя и для чего-то, все кстати и к месту. Они не так долго живут, чтобы разбрасываться на просто так. Македонов подошел к компьютеру и погуглил, сколько живут голуби. Получалось, что сизый голубь жил в среднем шесть лет. «Интересно, а не сизый?» – подумал Антон. Он открыл статью про дикого голубя – вяхиря. У того было смешное латинское название *Columbus Palumbus Linnaeus,* и захочешь забыть, не получится, «Колумб на палубе», с одной лишней буквой «м». На палумбе. Все равно легко запомнить. Ну Линней – понятно, он записал всех в книжечку под своим именем. Отчеством даже, если быть более точным. Если сайт не врал, а этого никогда нельзя было исключать, то вяхири жили в среднем шестнадцать лет, то

есть почти втрое дольше. «Питаются, что ли, правильнее», – решил Македонов и выяснил, что они едят семена ели и сосны, плоды бузины, а в остальном мало чем отличаются от человека, ведущего здоровый образ жизни: пшеница, рожь, ячмень и овес. Правда, еще мышиный горошек и сурепка. Заодно Македонов выяснил, что вяхири говорят «гхуу-гхуу-хуу-ху-ху». Но потом вспомнил, что у него на балконе вообще-то не вяхирь, а сизая голубка, и закрыл сайт.

Для него это был своего рода знак: свитое гнездо означало, конечно же, семейное гнездо, детей, топот ножек по комнатам, детские пюре и подгузники и что там еще бывает, когда решаешься продлить себя во вселенной таким нехитрым биологическим способом. Он не хотел спугнуть это ощущение. Варя ничего еще не решила, и он ничего не решил. Ее постоянные отлучки из дома, вечера, проводимые у заказчиков, можно было сказать, что они попали в турбулентную зону, но они пока не рухнули, непонятно по какой причине, и как знать, может, не рухнут или рухнут на необитаемый остров, где нет людей. Может, там бы они чаще говорили друг с другом. О том, как течет жизнь.

Македонов представил себе, как они сидят на берегу этого потрясающего воображение потока и молчат, тогда как можно попытаться преодолеть его, перебраться на тот берег, быть может, там в тысячи раз лучше, многие поступают именно так, строят карьерный плот, спускают его на воду и гребут, гребут отчаянно, из последних сил гребут попе-

рек течения. Их сносит, но не так уж и далеко, лет на тридцать-сорок, оттуда еще видно места, где они были молодыми, правда, уже не докричаться, но видно, хотя, может быть, было бы лучше, если бы молодость исчезла за поворотом или потонула в тумане. Другой вариант – сигануть ласточкой в этот поток и отдаться на волю волн и течения. Так делают немногие, но все же делают, про это написаны книги, например «На дороге» Керуака, и даже сняты отдельные фильмы, например «На дороге» по мотивам романа все того же Керуака. А можно продолжать сидеть, свесив ноги над невысоким обрывом, веря в то, что берега одинаковы, а течение губительно, по крайней мере, для физического, если не для психического, здоровья. Антон и Варя сидят и смотрят на воду великой реки.

Он сделал пост в фейсбуке, чтобы выбрать имя голубке. Предлагались варианты Дуся и еще Матильда, потому что она все-таки мать, пусть еще и не до конца, что в человеческих реалиях звучит, конечно, странно: как можно быть матерью не до конца? Родить, но еще не… Не что? Не вылупить? Антон подумал, что было бы забавно, если бы люди рождались в яйцах и их выдавали в роддоме домой, где из них уже вылуплялись бы малыши. В этом было бы больше эстетики, взгляда со стороны, больше религиозной пасхальности, граничащей с китчем Фаберже, но и с его великим искусством.

Он выбрал-таки вариант «Дуся», несмотря на то, что про-

тивники этого имени считали его чересчур фамильярным. Но Дуся – это же Евдокия, в переводе с греческого «благоволение». Разве можно не назвать таинственный знак благоволением свыше? И потом, Дуся – почти Дульсинея. Романтический штамп и почти потухшая звезда, свет которой непредсказуемо путеводен.

Этим же вечером Дуся улетела за кормом, и он какое-то время любовался через залитое дождем стекло балконного окна на три белых яйца. Их будет трое: он, Варя и кто-то третий. Антон искренне надеялся, что провидение не имеет в виду любовный треугольник. Интересно, где Дусин муж. Почему не приносит еду, не навещает ее? Экая самовлюбленная скотина этот голубь. Самец. Мачо. Антон почувствовал к нему неприязнь, словно тот предал его когда-то давно, в молодости, и с момента этого предательства жизнь изменилась и потекла не совсем туда, куда бы хотелось.

Варя пришла в ужас, узнав о новых соседях, разместившихся на балконе. Во-первых, у них не коммуналка, во-вторых, она хотела бы иногда пользоваться балконом, не думая о том, что кого-то потревожит или на кого-то не дай бог наступит, и, в-третьих и главных, птицы – переносчики всякой заразы, странно, что Антон этого не знает, пусть сходит и погуглит, что такое, например, орнитоз и с чем его едят, это тебе не насморк какой-нибудь, от него потом за три дня не избавишься.

Македонов сказал, что уже погуглил и рассказал про «Ко-

лумба на палубе» и про «гху-гху-хуу-ху-ху». Но Варя была неумолима.

Тогда он погуглил орнитоз тоже. Выяснилось, что орнитоз безжалостно поражал центральную нервную систему, легкие, печень и селезенку. В общем, в организме мало оставалось здоровых и неповрежденных органов после встречи с орнитозом. Еще Македонов выучил новое красивое слово: зооантропоноз. Он любил красивые слова, перекатывал их под языком, так чтобы мельчайшие оттенки звука впитывались в кровь и уже оттуда попадали в мозг. Зооантрапонозом назывались заболевания, общие для животных и человека. Скажем, бешенство, стригущий лишай и прочие хламидии, лямблии и сальмонеллы.

13

Падающий цветок
Вернулся вдруг на ветку.
Оказалось: бабочка!

Это была простая история, простая и понятная, только Македонову не хотелось ее записывать в прозе, потому что падающим цветком была их любовь, и он верил, что этот цветок еще успеет превратиться в бабочку, прежде чем долетит до земли и смешается с облетевшими лепестками и листьями, ведь не всем уготовано превращение, иначе Моритакэ использовал бы множественное число. Падающие цветы. Но бабочек не так много. Цветков гораздо больше, чем бабочек, поэтому превращение доступно… нет, даровано – лишь немногим. А то, что тебе даровано, нельзя записать, это можно лишь прожить. Главное, почувствовать нижнюю точку, точку падения качелей, перед тем как они снова взлетят вверх. Точку превращения цветка в бабочку, то мгновение, когда время останавливается, потому что падение уже прекратилось, а взлет еще не начался. Это состояние пустоты, наверное, главное состояние во вселенной. Между краткосрочной жизнью и не менее краткосрочной смертью. Это не так легко записать словами, сделать из этого короткий

текст, описать цветок, который, подобно стулу с балкона, летит вниз, потому что нужно сперва понять, откуда мы на него смотрим: снизу или сверху. Если снизу, то он летит к нам, и превращение его в бабочку отнимет его у нас в конечном счете, а если сверху, то все наоборот, мы обретем его снова, просто уже в другом обличье. Македонов закрыл глаза и понял, что он смотрит на цветок сверху, хотя образ листа был ему понятнее, лист, превращающийся в бабочку, и даже на дерево, и на весь город, и на залив он смотрит сверху, ведь он уже умирал один раз, хотя и не помнил этого: человек не помнит момента своей смерти и продолжает жить так же, как звезда продолжает гореть после того, как она давным-давно взорвалась, она продолжает жить вспышкой-отражением, и Македонов был, конечно, такой звездой – и смотрел на происходящее сверху, а не снизу, поэтому ему казалось, что все возвращается к нему, и, может быть, так оно и было на самом деле.

14

Слово «сальмонелла» заставило Македонова вспомнить далекий год, когда он, еще будучи школьником, проводил лето с отцом в экспедиции. Летние каникулы три месяца – никаких пионерлагерей не напасешься, поэтому многие ботаники брали детей с собой. Совсем маленьких, конечно, оставляли в городе с бабушками или отправляли куда-нибудь к родственникам, если было куда. А ребят постарше приучали к лесу, комарам, дыму костра и тушенке. Много лет прошло с того дня, но Антон до мелочей помнил тот солнечный июльский день, когда их с Митей отправили за черникой в сосновый бор километрах в пяти от экспедиционного лагеря.

При слове лагерь обычно приходят на ум всякие палатки и чуть ли не еловые лапы, набросанные на голую холодную землю, но на самом деле ботаники (а старший Македонов, Анатолий Давыдович, был ботаником и работал в одном из питерских НИИ, которое на тот момент еще не успело загнуться) сняли в деревне у старушки дом, и она на вырученные деньги с удовольствием уехала на два месяца в город навестить дочку. Так что, хотя официально это называлось выездом «в поле», условия были вполне сносные: плитка, умывальник, даже печь, которую они не топили, потому что и без того стояла жара и прогревать дом было излишней мерой, а

готовить было некогда и нечего, шел девяносто пятый год, и вместо кофе заваривали цикорий, а в суп для витаминов добавляли корень девясила, похожего на желтые ромашки, хотя на самом деле его скорее можно было назвать астрой, разумеется, сам девясил, а не его корень, который кидали в суп, и в обязанности детей входило, в том числе, эти корни выкапывать, промывать водой и сушить на солнце.

Антон, которому в то лето исполнилось одиннадцать, ненавидел этот корешок за горький привкус, и без него в тарелке плавало достаточно много овощей, которые он не любил: вареный лук, морковка, сельдерей. Поэтому поход за черникой обрадовал обоих, Митя тоже рассчитывал полакомиться ягодами, а если повезет, то и захватить островок недавно пошедших лисичек. Жареные грибы взамен макарон с тушенкой – перспектива была радужная. Правда, уже третью неделю стояла жара, и грибы, если и попадались, были червивые от ножки до кончика шляпки, но лисички – гриб, не поддающийся червякам, да и росли они кучно, поэтому шанс набрать их какое-то количество, хотя бы для аромата, оставался.

Единственное, что приспускало настроение, как вечерний флаг, была жара, густой бульон которой изобиловал комарами и слепнями, отбиться от которых можно было только на открытом пространстве, у озера, в лугах, на шоссе. В лесу шансы становились мизерными, тем более в низинах, где черника не выгорела и не посохла, поэтому, несмотря на па-

лящее солнце, Антон с Митей надели школьную форму, настолько плотную, что насекомые ее не прокусывали, и армейские пилотки, у которых опускались «уши», закрывая виски, щеки и даже шею с боков. Обливаясь потом, они взяли пластмассовые ведра и отправились на промысел. Воздух гудел и вибрировал, он превратился в густой и пряный настой на большом количестве цветущих растений и в первую очередь вереске. Запахи проникали в мозг, вызывая легкие галлюцинации, голова понемногу наливалась свинцовой тяжестью.

Перед выходом незатейливо позавтракали: выпили, посолив, по два сырых яйца, зажевав кисловатыми ржаными горбушками. Ягоды было много, набрали литров по восемь, кажется, Антон уже не помнил таких подробностей, помнил, что грибов не нашли, только червивые насквозь сыроежки и поганки выдержали в итоге эту многонедельную сушь, да и тем приходилось несладко. Лисички отсиживались где-то подо мхом, недоступные глазу, и мечты о жарехе пришлось отложить на потом.

Вдруг в отдалении что-то загрохотало, и Митя поднял голову от очередного куста, с которого он аккуратно собирал ягоды в кружку, а потом пересыпал в банку: так было психологически проще, достигался промежуточный результат, ведь можно было набрать целую кружку, потом две, три и так далее; Антон же думал о своем и механически бросал ягоды прямо в ведро, не задумываясь о том, сколько литров

уже удалось набрать. «Может, поезд?» – неуверенно предположил Антон, хотя они оба знали, что железная дорога в тридцати километрах и шум поездов отсюда не слышен.

Это было громыхание надвигавшейся грозы. Долгожданный дождь, которого не было уже почти месяц. Антон поднял голову и посмотрел вверх: между качавшимися макушками сосен, глухо постукивавшими друг о друга, виднелось совершенно джинсового цвета небо, с легкими прожилками даже не облаков – облачной паутины, которую словно оторвало где-то под крышей сарая и теперь несло в неизвестном направлении по воле ветра. Ветра… Антон сначала не обратил на него внимания, но теперь понял, что это тот самый ветер, который биологи называли ветром «из-под грозы», его ни с чем нельзя было спутать, непогода шла с запада, все еще невидимая за деревьями, но уже предупреждавшая о своем приближении отдаленным гулом и грохотанием.

– Пора сматывать удочки, – сказал Митя. – Если нас тут накроет, вымокнем насквозь.

– Можно спрятаться в ельнике, – возразил Македонов.

– Ага, и сидеть там до завтрашнего утра? Ты же не знаешь, как долго будет лить. И ягоду помочит, батя говорит, мокрая она быстро гниет.

– Тогда завязываем собирать? – неуверенно переспросил Антон, снова пытаясь разглядеть признаки непогоды между покачивающимися стволами. Но здесь, над их головами, небо было безоблачным, мешая поверить в надвигающийся

ливень.

– Да, валим отсюда. Мы и так набрали будь здоров, – сказал Митя озабоченным тоном, но со скрытым облегчением в голосе: ему уже надоело ползать на карачках, отделяя темные, почти черные ягоды от липнувших к ним листочков. – Не забывай, нам еще переть эти ведра на себе несколько километров. И жрать уже охота… Эти ягоды можно килограммами есть, все равно желудок пустой.

И он улыбнулся черно-синими от съеденных ягод зубами.

Они затянули ведра марлей и двинулись в обратный путь, тем более, что дело и так шло к вечеру, на пятикилометровый переход и сбор ягод незаметно ушел весь день. И вдруг, когда они, выйдя на проселочную грунтовку, оглянулись и наконец увидели за спиной темно-свинцовую, почти черную местами полосу с проблесками молний, Антон понял, что не может больше идти, что ему очень плохо и стремительно становится все хуже, как будто внутри развязались невидимые узелки, и кукла внезапно превратилась в тряпку, из которой ее сделали. Ноги стали ватными, ведро неподъемным. Антон уже не мог его нести. Он остановился, неловко поставил ведро на землю, едва не опрокинув его, и мутным взглядом смотрел в спину удалявшегося Мити. Даже окликнуть приятеля у Македонова не было сил. К счастью, через несколько десятков метров удалявшийся силуэт замер, развернулся и двинулся обратно к Антону, который уже не мог стоять и лежал рядом с ведром.

На вопрос Мити, в порядке ли он, Антон беспомощно помотал головой. Он не знал, что с ним. Это было похоже на укус ядовитой змеи – со скоростью змеиного яда овладевал его телом неизвестный недуг.

Митя тоже предположил, что Антона укусило что-то неприметное, конечно, не змея, но, может, насекомое, паучок, махонький родственник тарантула или скорпиона, хотя скорпион не вполне паук, но класс паукообразных, троюродный брат, можно сказать, Митя пытался шутить, но было видно, что он напуган бледностью Антона, который встал на четвереньки, кое-как дополз до обочины, и его вырвало в покрытые слоем пыли лопухи.

– Я не знаю, что это, – выдавил из себя Антон. – Но мне, кажется, худо.

И опять переломился пополам, исторгая из себя остатки переваренных ягод.

– Желудок болит, – простонал он.

– На-ка, умой лицо, – Митя достал из рюкзака фляжку с остатками воды, вылил в ладонь и умыл Македонова. – Полегче? – с надеждой спросил он. – Если в тебе была какая-то дрянь, ну, траванулся там чем-нибудь, то все должно было выйти. Придем в лагерь, выпьешь активированного угля и завтра будешь как огурчик. К вечеру, – подумав, добавил он. – Я в прошлом году молоком отравился, корова что-то сожрала на лугу, два дня блевал, думал, внутренности уже все вытошнило, но ничего, как видишь, жив. Идти сможешь?

– Попробую, – вяло ответил Антон, но после того, как они с черепашьей скоростью проковыляли пару сотню метров, Митя оглянулся на быстро догонявшее их ненастье и присвистнул.

Нужна была попутка, но ждать ее здесь было бессмысленно, машины ходили в основном по шоссе, до которого было километра два, не меньше. И Митя, спрятав ведра с ягодой в кустах, нес Македонова на руках, взяв в охапку, как огромный букет цветов, пыхтя и отдуваясь через каждые несколько шагов, и отпуская шуточки, что так в кино носят девчонок, и если их кто сейчас увидит, особенно из местных, то подумает неизвестно что, точнее говоря, очень даже известно, что подумает.

А находившийся в полубреду Антон почему-то успел вспомнить, что, когда впервые в жизни, еще во втором классе, он выругался этим словом, да еще при отце, не подозревая, что совершает что-то криминальное, тот молча встал с дивана, подошел к своему секретеру, достал лист бумаги и карандаш, подозвал Антона и велел написать только что произнесенное в адрес чем-то обидевшего его одноклассника слово.

Антон написал его через «и», и «о», и «з» на конце. Всего получилось семь букв, и он был доволен тем, как каллиграфически он их вывел. У него был лучший почерк в классе, еще с первого класса, когда на его тетрадке с прописями красовались пять больших желтых звездочек, не имевших от-

ношения к еврейской национальности, да и количество лучей у них было иным, а бывших некоторой заменой медалям и дипломам, эдаким эрзацем настоящих наград и званий, и звезд этих у Антона было больше, чем у кого-либо. Он очень удивился, что букв в слове на самом деле восемь, и многие из них совсем не такие, особенно его ошеломило отсутствие «з» на конце. «Запомни, как пишется и никогда не употребляй слова, значения которых ты не знаешь. Или знаешь?» – спросил папа, прищурившись.

Антон покраснел и сказал, что это значит «дурак». Хотя теперь уже понимал, что не совсем дурак, и, видимо, даже совсем не дурак, а что-то другое, более темное и нехорошее. Папа объяснил, что так называются дяди, которые целуются друг с другом, как они с мамой. И спят в одной постели. И что глупо называть так своего одноклассника, потому что он не делает ни того, ни другого.

Антон согласился и сказал, что будет называть его козлом.

– Написать слово «козел»? – спросил он папу.

– Не надо, – сказал папа. – Верю, что с козлом ты справишься.

Помня о том разговоре, Антон никогда никого не называл словом из восьми букв, хотя мальчики в их классе частенько его произносили с отчетливым «з» на конце. И теперь в объятиях Мити он почему-то об этом вспомнил. Вспомнил – и в следующую секунду провалился в состояние, похожее на кошмарный сон, где он падал, тонул, и снова падал, и куда-то

бежал, чтобы сдать тетрадку с домашним заданием, которая в последнюю секунду куда-то запропастилась, и очнулся уже на постели в их экспедиционном доме, куда привез его Митя на молоковозе, они еще, оказывается, существовали и даже выглядели точь-в-точь как в советских фильмах, и сейчас водитель молоковоза поехал на другой конец деревни к ветеринару, потому что врача у них не было. Раньше не было и ветеринара, пока к ним не приехала Таня из ближайшего городка. У нее был телефон. Без телефона невозможно было бы принимать вызовы. И она, предположив, что у Антона дизентерия, дозванивалась в скорую помощь, которая приехала через несколько часов и отвезла Антона в поселок городского типа, странно, что память не сохранила его название, где Македонова кормили домашним творогом и на всякий случай, пока не было результатов анализов, американскими таблетками от сальмонеллеза. Просто потому, что они там случайным образом были. Их привезли вместе с гуманитарной помощью, и никто ими не пользовался. Врач дала их на всякий случай, когда температура зашкаливала за сорок и сердце выскакивало между ребер, за пару дней она скормила ему двойную дозу и тихо, чтобы Македонов не услышал, спросила отца Антона, не хочет ли он на всякий случай позвать к сыну священника.

И это таки оказался сальмонеллез. И таблетки были хорошие. И организм молодой, выкарабкался. С тех пор Антон не ел чернику. Ведра, кажется, так и не забрали, потому что

Митя не смог вспомнить, в каких кустах он их спрятал. Антон подумал, что с того лета ни разу больше его не видел, этого Митю; интересно, каким он стал, щуплый мальчик с веснушчатым широкоскулым лицом, тащивший его на руках под проливным дождем несколько километров и постоянно шутивший, чтобы отогнать страх. Антон подумал, что хорошо было бы написать ему сейчас письмо, но как его разыскать… Фамилию он не помнил, а по имени – даже фейсбук не всесилен. Отца спрашивать не хотелось, можно было бы узнать у него фамилию Митиного отца, но пришлось бы объяснять зачем, а что объяснять? Что у них поселился на балконе голубь, и он случайно вспомнил то лето девяносто пятого года, когда он сидел с медсестрами каждый вечер на диванчике перед стареньким телевизором и смотрел сериал «Богатые тоже плачут»? И чувствовал захлестывавшую его радость, потому что мог умереть, но не умер, болезнь отступила, рвота и понос оставили его в покое, и главное, что-то с ним произошло, он выходил на крыльцо больницы и смотрел на мир другими глазами: как проезжают мимо больницы машины, разноцветные и прекрасные, как, чем-то озабоченная, ползает у него по рукаву божья коровка, выпустив темные кончики крылышек, и как курит на нижней ступеньке крыльца врач, пожилая одинокая женщина…

15

У Вари, в отличие от Антона, было достаточно много друзей и знакомых, как парней, так и девушек. Превалировали авторы детских книг, редакторы и прочая питерская полубогема, предпочитавшая бутылку коньяка, пущенную по кругу под столом в пельменной, бокалу пива в ирландском пабе. Объяснялось это всегда денежными обстоятельствами, но Антону казалось, что дело не только и не столько в них. Просто эти люди видели в себе наследников поколения поэтов, работавших кочегарами и сторожами. Для них качественное пиво в нормальном заведении было таким же моветоном, как для Македонова устрицы и шампанское в ресторане. И все же Антон избегал подобных вечеринок, поскольку после российского коньяка его всю ночь потом мучила изжога, а зарубежный коньяк полубогема презирала из-за причин, только что перечисленных. Варя же участвовала в этих попойках охотно, объясняя, что у нее голод по общению с людьми, нормальными, творческими, видящими свое предназначение в просвещении детей. «Мы должны сделать их лучше», – говорила она, имея в виду детей, а не представителей полубогемы. И потом, желудок у Вари был из меди с цинковым покрытием, она могла есть и пить все что угодно, а на вопрос Македонова, заданный в скором времени после их знакомства, не мучает ли ее после плохого алкоголя изжо-

га, она не смогла толком ответить, потому что не знала, что это такое. Пришлось Македонову словами описывать симптомы повышенной кислотности, оказалось, что это далеко не просто. Нет, ничего подобного Варя никогда не испытывала. Македонова кольнуло чувство зависти.

Что же касается социального и нравственного предназначения литературы, Антону казалось, что детей нельзя сделать лучше, чем они есть. Они же цветы жизни, а цветы просто надо регулярно поливать, некоторые даже не слишком обильно, они вырастут сами, кто во что горазд. Главное не мешать им расти, не пересаживать слишком часто из почвы в почву, окружить их пониманием и заботой. Вот в обратную возможность Македонов как раз верил: в то, что дети способны сделать нас лучше. «Когда у нас будут дети, я тоже стану лучше», – думал Македонов. Ему приятно было так думать, как приятно думать о любой хорошей перспективе, не требующей усилий непосредственно здесь и сегодня.

На днях к ним зашла одна из подруг Вари Лина. Вообще-то девушку звали Галина, то есть Галя, но называть ее так категорически воспрещалось, об этом Варя предупредила его когда-то, перед тем как знакомить их друг с другом.

– Почему? – наивно поинтересовался Македонов.

– Ты что, хочешь меня с ней раздружить? – раздраженно ответила Варя вопросом на вопрос, и Македонов решил не дискутировать на эту тему, раз Варе это неприятно.

Впрочем, после первой бутылки вина Македонов сам за-

дал Лине этот вопрос, не обращая внимание на пристальный взгляд Вари, не обещавший ничего доброго. Зато Македонов выяснил причину преобразования имени. Галя звучало слишком вульгарно, а Лина по-европейски, в меру кокетливо и, главное, благозвучно. Естественно, Лина с момента первой встречи стала называть Антона Тони. «Тони, ты ничего не можешь создать существенного в литературе, потому что не ставишь перед собой высокой задачи. Ты не видишь людей, для которых ты пишешь. Ты должен закрыть глаза и видеть их лица, представлять себе свою целевую аудиторию. Вот возьми, например, Нину Грубину. Она, когда пишет свои тексты, не только знает, для кого и зачем она их пишет, но и представляет себе ту конкретную публику, перед которой она будет читать эти тексты вслух. Вот мастерство. А это блеяние про вечность, про тексты, которые пишутся на небесах или не горят, или еще что-то там, это же все инфантильность, в данном случае писательская, творческая незрелость, ты меня, конечно, извини, я говорю тебе об этом не для того, чтобы обидеть, а, наоборот, как-то помочь, тебе нужен волшебный пендаль, чтобы ты написал что-то серьезное, и тогда тебя непременно заметят. Опять же у Варьки есть какие-то контакты, зашлем куда нужно, да, Варь?»

Варя соглашалась и объясняла, что она уже бы давно, но пока что, к сожалению, речь шла об отдельных рассказах, неплохих, кстати, очень даже сильных местами, но их не набирается даже на полкнижки, да и нереально в наши дни

стартовать с книгой рассказов. «Их никто не читает, разве что это кто-то из раскрученных, как праща над головой», – заключала она и укоризненно смотрела на Антона, который, как ей казалось, уже вырыл достаточно глубокую яму для своего таланта. Ему хотелось спросить Варю: это яма реально глубокая или талант настолько невелик, что достаточно и небольшого углубления в земле?

– Может, в журналы послать? – предложила Лина, зажав ярко накрашенными губами очищенную фисташку.

– А что журналы? – вздохнула Варя. – Ну, пошлешь ты в журнал.

– Напечатают. Все-таки кто-то прочтет.

– Ну, напечатают… Ну, кто-то прочтет. И что?

– Да, тупик, согласна с тобой, – соглашалась Лина.

– Ты вообще знаешь, чем живут твои потенциальные читатели? – продолжала она допрос после короткой паузы, необходимой для трансфера вина в желудок. – Что им интересно? Какие проблемы их волнуют? На каком языке они говорят?

– Ну русском… – неуверенно отозвался Македонов.

– Я не об этом. Я про другой язык тебе говорю… Ты не врубаешься, они хотят видеть в книге себя, свой мир, свои болячки, а ты о чем пишешь… Варь, он не врубается, твой Македонов.

– Неа, – соглашалась Варя. Ей казалось, что Македонов болен, а теперь пришел врач и подтверждает неутешитель-

ный диагноз, который уже успела поставить она сама.

– Вот Варя переслала мне один из твоих рассказов. Ну и что там? Рефлексия, бродящая кругами на длинной привязи, как мул, который крутит мельничное колесо. Какой-то мужик ходит по берегу моря, думает, мыслит, потом опять ходит, песок ногами пинает, камушки подбирает всякие. Это невозможно же, б…дь, выдержать, простите мне мой французский. Почему я должна покупать книгу, в которой бродит этот мужик? Я-то тут при чем? Ты мне напиши про настоящих, живых людей, вот как Алексей Иванов тот же. Там живая плоть в тексте, живые персонажи. Хотя бы даже этот географ, который со школьниками сплавляется по реке. И язык там подлинный, так люди в действительности и говорят. А у тебя просроченный фарш, а не язык. Просроченный лет так на семьдесят, – добавила она.

Решив, что про фарш уже слишком и Мак может обидеться не на шутку, Варя решила перевести разговор на другую тему, предъявив Лине гнездо с голубями.

Она открыла дверь на балкон и молча кивнула в направлении стула. Голубка вся сжалась, втянув голову в плечи и ожидая расправы.

– Прелестно, – сказала Лина, покачивая бокалом в руке, и было неясно, каков процент издевки в этом слове. – А квартиру назовите голубятней.

– Ты же свою не называешь собачатней, – огрызнулся Антон, который, как и подозревала Варя, обиделся на про-

сроченный фарш, но сейчас подвернулась хорошая возможность осадить Варину приятельницу под более благородным предлогом, не выдавая того, насколько она задела его самолюбие.

У Лины было два французских бульдога, которых она любила больше всего на свете, может быть, даже больше себя самой, хотя, конечно, на этот счет у Македонова были большие и обоснованные сомнения. Антон не помнил, как их звали и, слава богу, был не знаком с ними лично, но фотографии видел не раз и не два. Они приносились в распечатанном виде на фотобумаге, а в фейсбуке появлялись через день. Антон сначала лайкал их тоже через день. Потом раз в неделю, раз в месяц и наконец лайкать перестал вовсе, делая вид, что не подозревает об их существовании. И вот теперь эти Нуф-Нуф и Наф-Наф (почему-то пыхтящие песики представлялись Антону под такими именами) стали томагавком, брошенным на тропу войны. Так сказать, двумя яблоками раздора.

Лина ничего ему не ответила, просто смерила взглядом с головы до ног, делая вид, что пытается отыскать в нем хоть что-то достойное, неважно во внутреннем или внешнем облике, но, не найдя, повернулась к нему задом, а к Варе, соответственно, передом.

– Теперь с вашего балкона в квартиру побегут птичьи блохи, – констатировала она тоном специалиста, – и от них потом уже хрен избавишься. У моей знакомой была такая ис-

тория, это настоящий кошмар, они чесались потом полгода всей семьей. Они же еще и заразу переносят, эти блохи. Или вши, я уже не помню, кто там у этих голубей. В любом случае что-то, набранное по всем окрестным помойкам.

После ухода подруги Варя подошла к Македонову и остановилась у него за спиной. Он стоял и смотрел на голубку через окно балкона.

– Что будем делать? – спросила Варя.

– Ей там уютно, под стулом, – сказал он. – Как в шалаше. Помнишь, мы в детстве играли в шалаш? Строили его из веток в лесу. Там было сумрачно и прохладно даже в жаркие дни. И казалось, что ты отмотал тысячи лет назад и живешь в эпоху динозавров.

– Я не про птицу, – вздохнула Варя. – Не выкинешь же ее теперь вместе с гнездом.

– А про что тогда? – спросил Антон, затаив дыхание.

– Сама не знаю. Про нас. Про тебя. Про твои тексты. Про…

– Он тебе нравится? – спросил Македонов не оборачиваясь.

– Нравится… Не знаю, как это объяснить. Да, нравится, иначе бы не встречалась с ним. Но по-другому. Просто с ним я отдыхаю, но… Я же пыталась тебе объяснить, это другое. Да, глупо в этом сознаваться мужчине, которого любишь, но был период времени, когда меня физически к нему влекло.

– А теперь? – спросил Антон. От слов «мужчине, которо-

го любишь» сердце несколько раз скакнуло у него в груди и теперь затаилось, приберегая удары для следующего рывка.

– Теперь я оглядываюсь на эти несколько месяцев и думаю, неужели это была я. Не узнаю себя, представляешь. Не понимаю, куда делась эта сила, которая бросила меня к нему. Я понимаю, что ты на меня злишься, но на самом деле… Это даже хорошо, что так вышло.

Македонов удивленно заглянул ей в глаза, и Варя поспешила объяснить:

– Я поняла, что тебя я люблю, а его нет. И что можно любить по-разному. Или можно думать, что любишь и не любить при этом, и наоборот, любить и не думать о том, что любишь.

– Из тебя выйдет хороший наперсточник.

Варе хотелось ему объяснить, что было несколько дней, в которые ей вдруг показалось, что она нашла что-то настоящее, но это быстро прошло. Так бывает, когда идешь по берегу моря, видишь вроде красивую ракушку, потом поднимаешь ее, отряхиваешь песок, нагибаешься, промываешь в набежавшей волне – и отбрасываешь в сторону. Совсем как в рассказе Македонова, над которым они только что смеялись с Линой. А выходит – в нем есть что-то такое… Потому что ничего не осталось от того мелькнувшего великолепия, которое ей померещилось в этой отполированной морем ракушке. Обычное наваждение: смотришь на ничем не примечательную вещь, и вдруг она начинает тебе казаться необыч-

ной. Потом пелена спадает, и видишь, что ничего нет. И не было. И в то же время было, и поэтому так трудно от этого избавиться.

– Дай мне время, я уверена, что все будет хорошо.

– Может, мне пока съехать к кому-нибудь из друзей? – спросил он сдавленным голосом.

– Кому ты об этом говоришь, Мак, – ответила она ласково. – У тебя нет друзей, ты сам это знаешь. Я твой единственный друг.

– Тогда я пока поживу у тебя, – сказал он, по-прежнему не поворачиваясь. – По старой дружбе.

– Конечно.

Она подошла совсем близко, он чувствовал ее дыхание на шее. Положила руку ему на плечо.

– Ты очень на меня злишься, Мак? – спросила она шепотом.

– Не знаю, – честно сказал он.

16

Кроме внезапно вспыхнувшего физического влечения была еще одна причина, по которой Варя несколько раз приезжала к Игорю на съемную квартиру. Она ничего не сказала об этом Маку – не потому, что не хотела оправдываться, просто боялась заглянуть в этот уголок самой себя: бывают такие тенистые и сырые места в густом ельнике, где в самые жаркие дни прохладно и темно, потому что лучи солнца не способны пробраться через плотно прилегающие друг к другу хвоинки. Это было связано с китами, с норвежскими фьордами, только ей непонятно было, каким именно образом. Когда Игорь в тот вечер первого визита стал рассказывать о северных скалах, о соленых брызгах, о китах, у нее внутри вдруг что-то дрогнуло, что-то давно забытое шевельнулось под тяжелыми мохнатыми ветками. И она вспомнила, как давно, еще в детстве, у нее появлялись перед глазами летящие бабочки. Белые как снег. Они были безобидными и прилетали в основном перед сном, в те вечера, когда Варя не успевала заснуть сразу. Это началось после гриппа, кажется, во всяком случае, высокая температура держалась несколько дней, а потом сменилась бабочками. Была зима, снег похрустывал под ногами, когда они с папой шли по набережной реки или канала к незнакомому, но очень милому дяде, который подробно расспрашивал Варю про бабочек, интересо-

вался, может ли она управлять ими, нарисовать их, дружит ли она с ними. Как это – управлять? Ну… контролировать их появление и исчезновение. Вызывать их и прогонять. Нет? Нет. Как же можно их нарисовать? Они же белые. И бумага белая. Ничего не получится, если рисовать белое на белом. А если белое на черном, например, мелом на асфальте, предложил дядечка. Это был папин знакомый, он сидел напротив нее в глубоком кресле, и Варе предложил сесть в такое же – не менее взрослое и глубокое. Это ей понравилось. И он живо интересовался всем, что происходит в ее жизни, поэтому ей тоже было интересно все ему рассказывать, и она рассказала про игру, в которую играет, когда идет рядом с папой и ей скучно. Она представляет себе, что у нее за спиной такая штука… как большая брызгалка… Водомет, подсказал папин знакомый, и Варе снова понравилось, что он внимательно ее слушает и даже подсказывает ей слова, и она всасывает этой штукой воду из луж, только для этого надо через лужу перепрыгнуть. Тогда этой водой можно смывать призраков, которые появляются, как только ты наступаешь на швы между плитками тротуара, тогда надо их отбрасывать струей воды, а этой штуки хватает только на пять выстрелов, поэтому нужно быть осторожнее, нельзя тратить весь запас сразу, особенно если несколько дней не было дождя и луж нигде нет. «Что же тогда делать? – озабоченно спросил папин знакомый. – Что делать с призраками, если нет луж?» Видно было, что его всерьез беспокоил этот вопрос. Тогда

можно зайти в туалет и набрать там воды. В туалете всегда ведь есть вода, она течет из крана вне зависимости от того, есть на улице лужи или нет.

Папин знакомый попросил Варю выйти в другую комнату, но она стояла за дверью и слышала, как он сказал папе, что у нее чего-то нет, и это очень хорошо, и папа этому очень обрадовался, и все дело в этой высокой температуре, она вызывает галлюцинации, но это пройдет, сказал папин знакомый. Только желательно окружить девочку естественными вещами, логичными, так чтобы все было взаимосвязано, и она сама все время чувствовала эту взаимосвязь. Как бы пользу всего и во всем. Надо поменьше этих призраков. По возможности, разумеется. «Хорошо, – пообещал папа. – Я постараюсь». И, видимо, выполнил свое обещание, потому что Варя выросла очень рассудительной девушкой, в мировоззрении которой мораль и эстетика, все должно было идти на благо людей. Поэтому она довольно легко определилась с тем, кем она хочет стать – она хочет рисовать для детей, чтобы способствовать их духовному развитию. И тут эти киты… В них было что-то древнее и выпадающее из системы ее ценностей. Это был осколок того мира, откуда прилетали в детстве белые бабочки. И она не могла не зайти в этот мир. И была рада, что вышла обратно, потому что только теперь она научилась ими управлять. Могла вызывать их и прогонять. Это было новое ощущение. А главное, она поняла, почему она тогда, в самолете, вдруг необъяснимо быстро почувствовала

в Маке родственную душу. Он жил этим.

Вызывал бабочек и наблюдал за их неровным, рваным полетом.

17

Вага пришел в кафе как всегда с опозданием. Все уже собрались и со скучающим видом отхлебывали темный шотландский «Белхавен», заедая его чесночными гренками и косо поглядывая на экран висевшего на стене телевизора, где шла ожесточенная борьба за какой-то английский трофей.

Встреча была полурабочей, как у японцев, любящих в вечерние часы обсудить повестку следующего дня, а то и недели. Вага охотно принимал участие в этих посиделках, потому что дома его все равно никто не ждал, и он сейчас смотрел бы тот же самый футбол в одиночестве и без гренок, потому что он ни за что на свете не стал бы готовить самому себе гренки, хотя любил их, сырно-чесночные, к тому же здесь можно было подхватить оброненную кем-нибудь мыслишку или идею. Он с детства был внимательным, умел слушать, а главное, помнил потом услышанное. Для этого ему не нужны были записные книжки и ежедневники. Если Вага о чем-то забывал, то это для него самого было четким признаком финансовой бесперспективности того, о чем он забыл. Чтобы торговать именами, нужна хорошая память. Непосредственный шеф Ваги всегда подчеркивал, что они продают не тексты, а имена. «Текст я и сам за него напишу, – лаконично говорил он, – ты мне, б…дь, договорись, чтобы он под ним свою подпись поставил. Люди не за текст деньги платят».

Это Вага усвоил быстро. Люди платят деньги не за текст. За что угодно – за имя на обложке, за саму обложку, за полуголую блондинку на этой обложке, за место автора в шорт-листе или среди лауреатов, за проплаченный (чаще) или непроплаченный (реже) отзыв критика – но только не за текст. Мечтой Ваги было издать дневники Брейвика. Это была бы настоящая сенсация, но все его попытки осуществить эту задумку, пока ничем не закончились. Но он ни на день не забывал про эту историю. «Это была бы история так история, бомба атомная», – думал Вага иногда с грустью.

«Нахрен тебе это надо? – спрашивала его Света Сорнякова, рулившая одной из редакций в том же издательстве. – Не боишься, что тебя грохнут? Это как с исламистами, лучше держаться от таких вещей подальше. Всех денег не заработаешь».

Но Вагу интересовали не деньги, как это ни странно. Он никогда не отличался жадностью. Вопрос стоял для него иначе: он хотел реализоваться. Хотел видеть книги изданных им авторов в списке бестселлеров и топ-продаж, чтобы было понятно, так сказать, ху из ху. Кто лучший. Это была возможность влиять на умы. Что ставило его практически в один ряд с этим типом, который создал фейсбук, тьфу ты, как его… Марком Цукербергом. Вот еще чьи дневники неплохо бы издать. Тогда, может, и она поймет и оценит, женщины любят успешных мужчин. Уверенных в себе, сильных, но главное, успешных. Саксесфул. Внешность здесь не главное. К чер-

ту внешность. Внешность вон у каждого второго плейбоя, закончившего ПТУ. В мужчине важна харизма, отсутствие страха перед обстоятельствами. Вага чувствовал себя буйволом, способным растоптать тигра, вставшего у него на пути. Он устал от промежуточных удач со средней руки авторами. Ему нужен был настоящий скандал, гиперхайп, от которого вздрогнула бы вся писательская тусовка, как от подземных толчков начинающегося землетрясения, потому что у него по венам течет раскаленная лава, и она вот-вот вырвется на поверхность, а пока… пока нужны продажи, нужны интересные с точки зрения финансовой привлекательности истории, и он находил их каждый день десятками и десятками же забывал, отсеивая только самое-самое, и, конечно же, про свою идею делать книжку хокку в прозе он тоже уже забыл, она превратилась во что-то смутное, и спроси его сейчас Македонов про детали и подробности, он бы попросил напомнить, в чем вообще изначально был замысел, но Македонов его ни о чем не спросил, а Вага уже включился в обсуждение коллегами московского проекта – книги про Москву, сделанной по фильмам про Москву, она хорошо «шла», и у него мелькнула мысль, не сделать ли что-то похожее в Питере, московская книжка называлась «Я шагаю по Москве», как же еще ей было называться, а питерскую можно было бы назвать… можно ее было бы назвать… Черт, ничего не лезло в голову, кроме «Шинели» и укокошенной Раскольниковым старушки, ну да это не главное, название приложится само, главное,

найти какого-нибудь известного режиссера, который черкнет пару строк на главной обложке. Нужно кого-то всемирно известного. Например, Кристофера Нолана. Он производил впечатление человека, многое могущего за деньги. Успешного человека. Саксесфул мэн. Надо найти кого-то, кто знает выходы на Нолана. В его профессии нужны выходы, без них никак. Только не просто выходы, в смысле изнутри наружу, а наоборот, в каком-то смысле внутрь, как бы парадоксально это ни звучало, но русский язык давал такую возможность, Ваге нужны были выходы на… Можно, кстати, и на этого датчанина, как его… Триера. Он как раз очень удачно то ли показал кому-то фак на кинофестивале, то ли хвалил Гитлера, не суть важно. Важно, что его знает каждая собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.